

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ИММАНУИЛА КАНТА

РЕТРОСПЕКТИВА

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Сборник научных статей

Выпуск 4

Издательство
Российского государственного университета им. И. Канта
2009

УДК 930.9(08)
ББК 63.1
Р44

Редакционная коллегия

В.В. Сергеев, проф., д-р ист. наук, зав. кафедрой зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта (председатель); *А.В. Золов*, доц., канд. ист. наук;
Ю.В. Костяшов, проф., д-р ист. наук;
И.О. Дементьев, доц., канд. ист. наук (отв. редактор)

Точки зрения авторов могут не совпадать
с позицией редколлегии

Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей: сборник научных статей. – Вып. 4. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – 114 с.
ISBN 978-5-88874-994-4

Сборник включает статьи молодых историков из Российского государственного университета имени Иммануила Канта в Калининграде. Исследования посвящены различным проблемам отечественной и зарубежной истории, истории международных отношений. В новом разделе «Пространство диалога» публикуется статья молодого историка политической мысли из Бельгии о французском философе и политическом деятеле Клоде Лефоре.

Предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов, а также всех интересующихся вопросами всемирной истории.

УДК 930.9(08)
ББК 63.1

ISBN 978-5-88874-994-4

© Коллектив авторов, 2009
© Издательство РГУ им. И. Канта,
2009

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. РОССИЯ. ЗАПАД. XVIII–XIX ВЕКА

<i>Голованов М.В.</i> Восточнопрусское направление в политике Пруссии и России накануне и во время Семилетней войны	4
<i>Сидоренков А.В.</i> Чарльз Грей и религиозная ситуация в Англии в конце XVIII – первой трети XIX века.....	17
<i>Табешадзе О.И.</i> Советская и современная российская историография истории Республиканской партии США в 1854–1860 годах.....	24
<i>Воробьев И.А.</i> «В пользу мира»: из истории англо-русских культурных связей второй половины XIX века	31
<i>Старостенко В.А.</i> Рыболовный промысел крестьян Санкт-Петербургской губернии в последней трети XIX – начале XX века.....	40

РАЗДЕЛ 2. ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА

<i>Манкевич Д.В.</i> Голоса из прошлого. «Информации» райкомов и горкомов ВКП(б) – КПСС о «настроениях трудящихся» Калининградской области (вторая половина 1940-х – начало 1950-х годов)	45
<i>Тишакова Е.Н.</i> Меры администрации Картера в области высшего образования	53

РАЗДЕЛ 3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ВЕК XX

<i>Манкевич М.А.</i> Августинас Вольдемарас и литовско-польское противостояние	64
<i>Кириленко А.А.</i> Гельмут Коль и проблема германо-германских отношений	71
<i>Баторшина И.А.</i> Основные этапы процесса восточноевропейского расширения ЕС	81

РАЗДЕЛ 4. ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА

От переводчика	92
<i>Хейненс Р.</i> Лефор и специфика «демократической установки»	94

Раздел 1

РОССИЯ. ЗАПАД. XVIII–XIX ВЕКА

М. В. Голованов

Восточнопрусское направление в политике Пруссии и России накануне и во время Семилетней войны

События из истории европейских международных отношений во время первой и второй Силезских войн, а также политическая доктрина прусского монарха Фридриха II, получившая некоторую завершённость в его первом «Завещании», точно определяли аннексионистский характер предстоящей Семилетней войны. Австрия в ней преследовала цель возвращения завоёванной пруссаками Силезии, объектом притязаний России была Восточная Пруссия. Фридриху II трудно было выбрать приоритеты: отстаивать восточный эксклав¹ и поступиться недавно присоединённой Силезией или же действовать прямо противоположным образом.

Сразу после завоевания Силезии король приложил активные усилия по милитаризации Восточной Пруссии и тех регионов, которые так или иначе могли послужить для обороны центра государства от нападения со стороны России.

О том, что Фридрих всерьёз опасался ухудшения отношений с великим восточным соседом и, как следствие этого, отторжения восточной провинции, свидетельствовала и поступающая к нему

¹ Так можно именовать Восточную Пруссию, входившую в состав государства Фридриха II и отделённую от основной территории страны в XVIII в. землями Речи Посполитой – Западной (Польской) Пруссией.

информация о напряжённости и боязни русской экспансии, царивших среди жителей этого края. В начале 1749 г. между Мемелем и Пиллау остановилось несколько российских кораблей, видимо, сбившихся с курса и направлявшихся в Курляндию. «Известие это пришло в Кёнигсберг и немало потревожило его жителей, которые полагали, что у прусских берегов стоит весь военный флот России»¹, – сообщал служебный журнал российского вице-канцлера М.И. Воронцова. Фридрих II незамедлительно отреагировал: по всей Восточной Пруссии и в самом Кёнигсберге «был опубликован королевский указ, в соответствии с которым запрещалось под страхом жёсткого наказания распространять слухи о каком-либо разрыве с её императорским величеством российским»².

Тот же Воронцов отмечал, что прусский король наладил бесперебойное сообщение между землями своего государства: с Восточной Пруссией из порта Кёнигсберг по Балтике в Среднюю, затем в Переднюю Померанию, оттуда в центр страны и дальше в Силезию. Безусловно, транспортировка военных и гражданских грузов осуществлялась бы быстрее и надёжнее, если бы Фридрих II владел Западной Пруссией. Реальных возможностей для воплощения своей давней цели – завладеть этой частью польской территории – в 50-х гг. XVIII столетия у него не было. Более актуальным был другой вопрос: как отстоять Восточную Пруссию в предстоящей войне, а затем, в перспективе, завладеть прилегающими к ней землями?

В 1749 г. началась перевозка военных грузов и провианта по установленной линии сообщения из Кёнигсберга в Штеттин, затем в Силезию и по тому же пути обратно. Кроме того, «король прусский великое вооружение в Силезии и Пруссии (имеется в виду Восточная Пруссия. – М.Г.) чинит и много войска своего в Кёнигсберг неприметно посылает», – говорилось в том же источнике. Все запасы хлеба в Померании были «описаны для заготовления» и дальнейшей отправки в Восточную Пруссию³.

¹ *Собственноручный служебный журнал вице-канцлера М.И. Воронцова. Март – декабрь 1749 г. // Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 49–50.*

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 6.

В конце апреля 1749 г. король намеревался выехать в Силезию «для принятия 6 тысяч брауншвейгских войск (наёмников. – М.Г.) в прусскую службу». В самой Восточной Пруссии были созданы два военных лагеря. В дальнейшем Фридрих II собирался предпринять поездку в восточную провинцию для ревизии находившегося там 30-тысячного войска и «присовокупления к нему четырёх полков из Клевской провинции». Поездка была отменена, так как прусский монарх нашёл более лёгкий способ увеличения там численности военного контингента, нежели перебазирование отдельных армейских частей с запада страны: располагавшиеся вблизи польской границы прусские военные соединения были отправлены в Мемель, а из Бранденбурга через Данциг в Восточную Пруссию «много офицеров приехало для набора солдат»¹. Кроме того, Фридрих испугался резонанса в Санкт-Петербурге.

В результате Восточная Пруссия в 50-х гг. XVIII в. стала напоминать настоящий военный лагерь. Как сообщал один из очевидцев этих событий, русский путешественник Ф.Д. Бехтев, в Восточной Пруссии находилось около 35 тысяч вооружённых солдат, что в общей сложности составляло 7 пехотных полков и 1 гренадёрский батальон, которые стояли у Кёнигсберга; 12 пехотных, 1 кирасирский и несколько драгунских и гусарских «около Тилжи (Тильзита) и Велова (Велау) к курляндским и польским границам... и два полка гарнизонных в Мемеле и Пилаве». Стандартная численность военнослужащих в каждом соединении была увеличена. Все офицеры и унтер-офицеры были откомандированы к местам постоянного несения военной службы. «Прочих приготовлений, – писал очевидец, – не видно, да и приметить их нельзя, понеже у его величества прусского всё в готовности»².

Интересны впечатления того же автора о самой Восточной Пруссии. Надо учесть при этом статус адресата – это официальное лицо, вице-канцлер Воронцов, и время – подготовка к войне, а в Петербурге, как известно, вынашивался план захвата восточной провинции королевства Пруссия. «На 18-ти милях от Мемеля до Кёнигсберга по мысу Курляндского Гафа» – одни пустые места. Только за пять миль до Кёнигсберга «пойдёт жило (жилища) и

¹ *Собственноручный служебный журнал...* С. 26, 84.

² *Письма Ф.Д. Бехтева к графу М.Л. Воронцову // Архив князя Воронцова.* М., 1871. Кн. 3. С. 150.

покажутся трава и леса». От Кёнигсберга до Пиллау «на семи милях так же жило». «Потом от сей крепости до самых границ Польши по мысу Фриш Гафа опять нет ни села, ни травы, ни какого жила, кроме хижин рыбачьих, и то редко; да и невозможно жилу быть, ибо не токмо хворостья на шалаша доставать негде, но и землянок сделать нельзя: всё голой, наносной и зыблющийся песок»¹. Эти две песчаные косы служили «для плодоносной и обетованной Пруссии» почти непреодолимой защитой со стороны моря. «К берегу за отмельми подойти нельзя, а устья Гафов, куда большие купеческие суда заходят, защищаются двумя крепостями – Мемель и Пилау»².

Чрезвычайных видимых приготовлений к войне в Восточной Пруссии заметно не было. Однако, как сообщал очевидец, «сколько ни есть мещан, все солдаты обученные военному делу». Местные жители вынуждены содержать действующую армию «к несносной тягости и к крайнему разорению всей земли». Все старинные замки «наполнены хлебом с собственных королевских волостей и купленным у обывателей, у которых, сказывают, прошлой зимой приказал король весь хлеб, оставшийся от третьего года, за установленную цену взять в свои магазины». Крестьянские лошади, пригодные для артиллерии, были «приписаны», а хозяева не могли их не только продать, «но и в тяжёлую работу употреблять» без личного разрешения короля. Также упоминалось, что «фельдмаршал Кейт ныне почти безотлучно при короле; когда его величество изволит ездить и осматривать войска свои, то он не токмо в свите его был, но и всегда в карете с ним ехал»³.

Военные приготовления в Силезии и Померании, как и милитаризация Восточной Пруссии, были осуществлены прежде всего для обороны со стороны России. Согласно основному содержанию первого политического «Завещания» от 1752 г. и более ранним политическим высказываниям Фридриха II, главным противником территориального расширения Пруссии являлась Россия. Этой державе было явно невыгодно земельное «округление» западного соседа за счёт Речи Посполитой: всегда нежелательно

¹ *Письма Ф.Д. Бехтева...* С. 151.

² Там же. С. 151–152.

³ Там же. С. 152.

иметь под боком сильного соседа, тем более в условиях господства концепции «европейского равновесия».

Своё враждебное отношение к расширению территории Пруссии Петербург продемонстрировал ещё во время Силезских войн, и Фридрих II адекватно оценивал ситуацию. В ещё большей степени неприемлемой для него была война «на два фронта» в том случае, если Елизавета Петровна оказала бы не только дипломатическую, но и военную поддержку давнему врагу Пруссии – Австрии. Для этого нужно было склонить Россию на свою сторону за счёт создания «прусской партии» в Петербурге и устранения проавстрийски настроенного канцлера Бестужева или изолировать её от европейских дел. Австрия никогда бы не отважилась напасть на Пруссию без мощной поддержки; кроме того, в подобной ситуации у Фридриха было бы больше шансов реализовать свой «польский проект» – аннексировать Западную Пруссию и соединить её с укреплённой в военном плане Восточной Пруссией.

Перед началом Семилетней войны европейские международные противоречия структурировались, а государства, имевшие свои интересы в будущей войне, оформились в две коалиции: в одну вошли Франция, Австрия и Россия¹, во вторую – Англия и Пруссия. При этом Фридрих II оказался лицом к лицу с тремя противниками. Англия, согласно Вестминстерскому договору от 13 января 1756 г., обязалась оказать Берлину только финансовую помощь в обмен на гарантии Пруссии защищать от возможного нападения её континентальное владение – Ганновер².

Восточнопрусское направление в будущей войне должно было занять немаловажное место. Об этом свидетельствовали планы России и Пруссии накануне предстоящего военного столкновения. Цель грядущей Семилетней войны, преследуемая Россией, была чётко сформулирована в постановлении конференции при дворе Елизаветы Петровны от 10 апреля 1756 г.: «Ослабя короля Прус-

¹ *Акт* приступления российского двора к заключённому в Версале 1 мая сего года между венским и французским дворами оборонительному трактату. 31 декабря 1756 г. // *Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами* / сост. Ф. Мартенс. СПб., 1892. Т. 9 (10). С. 191–201.

² *Convention de Neutralité entre les Rois de la Grande Bretagne et de Prusse*. 1756. Januar 16. Westminster // Schaefer A. *Geschichte des Siebenjährigen Krieges*. Berlin, 1867. Bd. 1. S. 582–584.

ского, сделать его для здешней страны (Центральной Европы. – *М.Г.*) нестрашным и незаботным; Венскому двору, усилить возвращение ему Шлезии (Силезии. – *М.Г.*), сделать союз против турок более важным и действительным (имелось в виду перемещение внимания дипломатии Вены с европейских дел на Порту. – *М.Г.*); одолжа Польшу доставлением ей Королевской (в данном контексте в сочетании с планом Бестужева – Восточной. – *М.Г.*) Пруссии, во взаимство получить не только Курляндию, но и также с польской стороны такое границ округление, которым бы не только нынешние непрерывные от них хлопоты и беспокойство прекратились, но может быть и способ достался бы коммерции Балтийского моря с Чёрным соединить, и через то почти всю Левантийскую (по Средиземному морю. – *М.Г.*) коммерцию в здешних руках иметь»¹.

Для Фридриха II будущая война должна была носить прежде всего оборонительный характер. Военные инструкции, которые дал прусский король генерал-фельдмаршалу Левальду, назначенному командующим армией в Восточной Пруссии, сообщали о чётком планировании расположения войск в провинции с целью дать решительный отпор русскому вторжению. Отдельных военных соединений, находившихся в Кёнигсберге, Тильзите, Мемеле, Пиллау и других стратегических пунктах провинции, было недостаточно. Король предупреждал командующего о том, что русские сухопутные войска могут вторгнуться из Курляндии, а морской флот – из Польской Пруссии. При этом он считал, что военный флот России не решится напасть на укрепленные гавани Восточной Пруссии, а атакует «в спину со стороны Мариенвердера». Левальду давались неограниченные полномочия, но при этом король приказал удерживать Кёнигсберг до последнего и только в самом крайнем случае отступить, не распуская армии, в Силезию и Богемию, чтобы занять оборону там.

«Экономическая» инструкция Левальду допускала уже и некоторые экспансионистские шаги. Во время отступления или, наоборот, удачной обороны войска Фридриха II должны были за-

¹ *Бумаги* из архива дворца в г. Павловске // Сборник Императорского русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1872. Т. 9. С. 27–29; см. также: *Эпштейн А.Д.* История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 года. М., 1961. С. 292–293.

нять западнопрусские города – Мариенвердер, Данциг, Торн и Кульм, но таким образом, чтобы при возможной боевой операции сохранить их инфраструктуру и не нанести ущерба торговле. «Политическая» инструкция была нацелена на возможный возврат к союзу с Россией: «Гармония, которая царила в отношениях между Россией и Пруссией со времён Петра I... нарушена интригами. Россию ослепили коалиции с неверными ей друзьями... Нам необходимо прежде всего стремиться к восстановлению бывшей когда-то гармонии»¹, – наставлял король.

Расчёт Фридриха II в этом отношении был следующий: разгромить Австрию в случае вторжения в Силезию, свести её мощь и влияние до минимума, лишив Россию главного союзника, а затем возобновить с Петербургом дружественные отношения. Такой исход войны позволил бы прусскому королю добиться реализации давних целей. Для этого Левальд должен был установить контакт с Апраксиным, которого, кстати, в Пруссии считали совершенно бездарным полководцем, назначенным командующим русскими войсками в запланированном завоевании Восточной Пруссии. Апраксин, в свою очередь, через ставленицу Фридриха при русском дворе цербтскую принцессу должен был оказать давление на императрицу Елизавету Петровну.

Семилетняя война была порождена не только континентальными, но и колониальными противоречиями. Она началась столкновением морских сил Англии и Франции, а в августе 1756 г. после вторжения прусских войск в Саксонию произошли боевые действия в Европе.

Военный поход русской армии в Восточную Пруссию начался осенью-зимой 1756–1757 гг. сосредоточением сил, а затем в мае 1757 г. продвижением в эту провинцию по двум основным направлениям: одна армия двигалась через Ковно на Инстербург под командованием генерал-фельдмаршала Апраксина; другая, которой командовал генерал-аншеф Фермор, шла берегом Балтийского моря на Мемель.

Важным событием Семилетней войны, безусловно, была оккупация Восточной Пруссии, вследствие чего она перешла под

¹ *An den Generalfeldmarschall von Lewald in Königsberg. Potsdam, 23 Juni 1756 // Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen. Berlin, 1884. Bd. 12. S. 448–457.*

власть русской короны. Девятнадцатого февраля 1758 г. Фермор в торжественной обстановке огласил императорский указ о назначении русской администрации в Восточной Пруссии, сам Фермор стал генерал-губернатором. Теперь все жители, включая служащих и бывших чиновников, должны были присягнуть на верность российской императрице; проповедников обязали при богослужениях славить Елизавету Петровну, прусские орлы на башнях и зданиях были заменены двуглавыми российскими, даже монеты чеканились с русской символикой.

Утрата Восточной Пруссии и ряд крупных военных поражений тем не менее не означали полную капитуляцию Фридриха II. После перелома в ходе войны прусский монарх сумел проявить себя как талантливый дипломат.

За некоторое время до установления русского господства по приказу короля из Восточной Пруссии были вывезены так называемые «гумбинненская и кёнигсбергская кассы с наличными деньгами»¹. Несмотря на враждебное отношение Польши к Пруссии во время этой войны, Фридрих II смог обеспечить эвакуацию населения из этой провинции в интересующую его Западную Пруссию. Так, немецкоязычный вариант «Варшавской газеты» сообщал в декабре 1757 г., что различные семьи из Кёнигсберга и всей «Прусской Литвы» останавливались в Данциге и в других городах Западной Пруссии, не опасаясь за свою судьбу². Королевские чиновники, знавшие особенности общественной жизни Восточной Пруссии, её систему управления, были эвакуированы в приказном порядке³. Были вывезены в тыл все архивы, особенно Палаты военного и государственного имущества⁴. Согласно распоряжениям Фридриха II, на оккупированных территориях велась активная пропаганда, сеявшая ненависть к русским и оправды-

¹ *An den Kammerpräsident Domhardt in Gumbinnen*. Breslau, 16 Januar 1758 // *Politische Correspondenz...* Berlin, 1888. Bd. 16. S. 180–181.

² *Warschauer Zeitung*. 1757. №28. S. 2–3; №30. S. 4.

³ *An den Etatsminister von Borcke*. Dresden, 21 November 1758 // *Politische Correspondenz...* Berlin, 1889. Bd. 17. S. 389–391.

⁴ *Au secrétaire Benoit à Varsovie*. Breslau, 2 février 1758 // *Politische Correspondenz...* Berlin, 1888. Bd. 16. S. 216; *An den Etatsminister von Blumenthal in Berlin*. Breslau, 2 Februar 1758 // *Ibid.* S. 216.

вавшая проведение против них диверсий¹. В 1759 г. русская администрация пыталась установить рекрутскую повинность в Восточной Пруссии; об этом стало известно королю через его резидента Раймера, и Фридрих II приказал распространить в провинции свой указ о том, что те жители, «которых враг склонит к военной службе против него, объявляются предателями»².

Было и то, чему Фридрих II не противился в деятельности оккупационного режима. Король с уважением отзывался о дисциплине, которую установила русская администрация в Восточной Пруссии³. Не противоречило планам Фридриха и развитие торгово-экономических связей. Русская администрация способствовала развитию торговых отношений провинции с Польшей. Были устранены и препятствия в проведении посевной, которая приостановилась во время ведения боевых действий, с целью получения высокого урожая хлеба – основы торговли провинции. Получили развитие пути сообщения, разрешался беспошлинный ввоз товаров из других земель прусской монархии. Для транзитной торговли в Кёнигсберг из Ливонии и Курляндии в больших количествах ввозилось зерно. А в июне 1758 г. в Кёнигсберге прошла крупная ярмарка, в которой приняли участие многие коммерсанты из различных городов, в том числе немало купцов из Польши⁴. В результате доход, «получаемый тогда с королевства Прусского, простирался... до двух миллионов талеров, из которых один миллион таки расходился на траты по королевству»⁵.

Фридриху была выгодна нормализация и даже улучшение экономической деятельности в Восточной Пруссии, так как он определённо рассчитывал на её возвращение. Кроме того, даже несмотря на крайне тяжёлую ситуацию, он продолжал рассчитывать

¹ *An den Etatsminister Graf Finckenschtein* in Berlin. Schönfeld, 20 September 1758 // *Politische Correspondenz...* Berlin, 1889. Bd. 17. S. 254–255.

² *An den Generalmajor von Wobersnow*. Reich-Hennersdorf, 15 Juni 1759 // *Politische Correspondenz...* Berlin, 1891. Bd. 18. S. 323.

³ *An den Kammerpräsident von der Marwitz* in Königsberg. Breslau, 28 Januar 1758 // *Politische Correspondenz...* Berlin, 1888. Bd. 16. S. 207–208.

⁴ *Franzius G. v.* Die Okkupation Ostpreußens durch die Russen in siebenjährigen Kriege mit besonderer Berücksichtigung der russischen Quellen. Berlin, 1916. S. 79–80.

⁵ *Записки* Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. Тула, 1988. Т. 1. С. 281.

на приобретение после завершения войны Польской Пруссии – если не в качестве интегрированной части своих владений, то по крайней мере в виде «остающихся свободными торговых городов (Данциг и др. – *М.Г.*) под управлением Пруссии»¹. Здесь очевидны постоянные интересы Фридриха II: возвращение Восточной Пруссии, её объединение с Бранденбургом через Западную Пруссию, а также расширение торговли за счёт не только Силезии и Польской Пруссии, но и Саксонии. Осуществление этого плана прусский монарх считал вполне возможным, но путём дипломатии, так как военные средства уже были исчерпаны; он пытался направить сложившуюся среди союзников по антипрусской коалиции ситуацию в свою пользу. При этом Фридрих II руководствовался следующими доводами, изложенными в 1759 г. государственному министру графу Финкенштейну:

«Я хочу продать Вам в розницу, – писал он своему единомышленнику, – некоторые идеи... После ярких успехов англичан в Америке (не стоит забывать, что Семилетняя война – это ещё и колониальное противостояние между Англией и Францией. – *М.Г.*) Париж оказался повержен могуществом Соединённого королевства и обязан принять условия мира, которые диктует ему Лондон». Задача Пруссии состоит в том, чтобы воспользоваться этой ситуацией с целью получения за счёт Англии и Франции выгоды в Европе. Для этого необходимо заставить Англию склонить Францию к прекращению боевых действий против Пруссии и создать некий негласный союз между Берлином, Лондоном и Парижем. Франция согласилась бы пойти на это, боясь потерять свои позиции на морях. Англия, в свою очередь, не стала бы противиться этому проекту прусского правительства, если оно предложит ей гарантии «получения Ганновером секуляризованных епископств в Мюнстере и Оснабрюке». Таким образом, Англия и Пруссия с привлечением Франции будут «уравновешивать Австрию (имелась в виду потеря Габсбургами союзника в лице Франции. – *М.Г.*)».

Можно было с пользой для себя, считал Фридрих II, вывести из войны и Россию. В этом направлении прусский король опять предлагал действовать подкупом и апеллировать к общим с Пе-

¹ *Au Ministre d'État comte de Finckenstein à Magdeburg. Koeben, 30 October 1759 // Politische Correspondenz... Berlin, 1891. Bd. 18. S. 611.*

тербургом интересам. В качестве такого общего интереса выступала Речь Посполитая, к которой Пруссия имела определённые территориальные претензии, да и «русские хотят конца Польши, чтобы получить защиту против турок». В этом рассуждении Фридрих основывался, видимо, на существовавшем при русском дворе плане отстранения Австрии от «польских дел» и сосредоточения внимания Вены на своём давнем противнике – Порте, что позволило бы России получить выгодного союзника в возможном русско-турецком противостоянии¹.

Принимал во внимание Фридрих II и ухудшение здоровья Елизаветы Петровны, которая относилась к Пруссии резко отрицательно под влиянием Бестужева. Слухи о смертельной болезни императрицы будоражили Петербург ещё с 1757 г. При русском дворе начали формироваться две коалиции: елизаветинско-бестужевская (консервативная) и отдававшая предпочтение супруге наследника престола. Фридрих II продолжал оказывать ей активную помощь. Цель этого проекта – возвращение в конце войны Восточной Пруссии и возможное приобретение Западной.

Прогноз прусского короля сбывался, пусть и не до конца точно. Во-первых, у Австрии, Франции и России не было общей, объединяющей их цели. Здравый смысл говорил о том, что после сражения у Кунерсдорфа, когда прусская армия была по большей части уничтожена, частично рассеяна и деморализована, союзникам было нетрудно совместными силами разгромить оставшиеся в распоряжении Фридриха II прусские силы и после этого беспрепятственно занять Берлин и идти в Саксонию и Силезию. Этот план был предложен русским командующим Салтыковым сразу после битвы при Кунерсдорфе и отклонён австрийским фельдмаршалом Дауном².

Во-вторых, 5 января 1762 г. умерла Елизавета Петровна. Императором всероссийским стал Пётр III, на которого, безусловно, Фридрих II делал ставку. Новый царь находился под явным прусским влиянием, о чём красноречиво свидетельствовали слова находящегося при петербургском дворе графа Мерси д'Аржанто:

¹ *Au Ministre d'État comte de Finckenstein...* S. 611–613.

² *Из бумаг Ивана Ивановича Шувалова (письма Салтыкова к И.И. Шувалову)* // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 9. С. 491; см. также: *Эпштейн А.Д.* Указ. соч. С. 291–292.

«Что касается иностранных дел, – писал он в то время из России, – то безграничное пристрастие нового императора к королю прусскому обнаруживается так ясно, что никто не отважится противоречить такой склонности»¹.

Весть о том, что Россия получила нового императора, пришла в Кёнигсберг 13 января 1762 г. Всё население Восточной Пруссии, включая военный контингент, было приведено к присяге Петру III. Не противился этому и Фридрих II, который, приветствуя вступление на престол Петра, возлагал на него и на его супругу надежду вернуть утраченную во время войны провинцию.

В Петербург была отправлена делегация, цель которой состояла в том, чтобы выразить признание новому императору и подготовить почву для возможного союза².

На следующий же день после прибытия прусской дипломатической миссии в Санкт-Петербург, 8 февраля 1762 г., Пётр III подписал «Декларацию», сообщавшую венскому двору о прекращении Россией боевых действий против Пруссии. Кроме того, в ней говорилось, что для завершения кровопролитной войны «его императорское величество согласен жертвовать завоеваниями (Восточной Пруссией. – *М.Г.*), сделанными в нынешней войне российским оружием»³. Эта территория окончательно перешла к Пруссии после заключения Штаргардтского перемирия 16 марта 1762 г. и мира с Петербургом 5 мая 1762 г.

Девятого июля 1762 г. «Кёнигсбергская газета» сообщала: «...реставрация прусского орла на Кнайпхофской ратуше сопровождалась ликованием тысячной толпы; в их глазах была искренняя радость, на устах – слова благодарности королю»⁴.

Двадцать восьмого июня 1762 г. в России произошёл государственный переворот, у власти оказалась Екатерина II, ратифици-

¹ *Донесения* графа Мерси д'Аржанто императрице Марии Терезии и государственному канцлеру графу Кауницу-Ритбергу, с 5 января 1762 г. по 24 июля 1762 г., и переписка графа Мерси с русским министерством // Сб. РИО. СПб., 1876. Т. 18. С. 80; *Эпштейн А.Д.* Указ. соч. С. 295.

² *Instruction pour le Baron de Goltz.* Breslau, 7 février 1762 // *Politische Correspondenz...* Berlin, 1894. Bd. 21. S. 324–326.

³ *Декларация* императора Петра III, сообщённая венскому двору, о прекращении военных действий против Пруссии. 8 февраля 1762 г. // *Собрание трактатов и конвенций...* СПб., 1874. Т. 1. С. 307–308.

⁴ *Königsbergische Zeitung.* 1762. № 55.

ровавшая договор с Пруссией от 5 мая 1762 г. Семилетняя война 1756–1763 гг. завершилась подписанием двух договоров – Парижского договора от 10 февраля 1763 г. между Англией и Францией, ознаменовавшего завершение «колониальной» войны, и Губертсбургского от 15 февраля 1763 г., окончившего войну «континентальную»¹.

Семилетняя война развеяла миф о непобедимости Фридриха II, но в то же время выявила его дипломатический талант. За Пруссией сохранялась Силезия, была возвращена Восточная Пруссия, однако объединить последнюю с Бранденбургом за счёт Польской Пруссии Фридрих не сумел. Но всё же была намечена тенденция к сближению русского и берлинского дворов в «польском вопросе», что дало возможность получения торговых выгод и «округления» прусской территории. В этом отношении планы Фридриха по «Завещанию» 1752 г. начинали сбываться: консервативная политика России постепенно менялась, русское правительство уже не было так решительно настроено против Берлина. Нельзя сказать, что к этому привела только смена власти в Петербурге. Семилетняя война выявила разницу внешнеполитических интересов бывших союзников, а у врагов появились сближающие их устремления. Для Петербурга и Берлина такой почвой для сближения стала общность, по крайней мере на первом этапе, их интересов в Речи Посполитой. Она выражалась не только в планах территориального захвата, но и в необходимости устранения укрепившегося в годы Семилетней войны австрийского влияния в Польше. Отныне восстановление Восточной Пруссии, пострадавшей от боевых действий, и территориальная экспансия в Польше стали главными задачами дальнейшей политики прусского короля.

Об авторе

Голованов Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

¹ Архенгольц И.В. История Семилетней войны. М., 2001. С. 453–455.

А.В. Сидоренков

**Чарльз Грей и религиозная ситуация
в Англии
в конце XVIII – первой трети XIX века**

Имя вигского премьер-министра Англии Ч. Грея часто ассоциируется с первой в британской истории избирательной реформой 1832 г. Однако помимо борьбы за изменение системы представительства в английском парламенте, его важной задачей на протяжении всей жизни было отстаивание прав католиков и диссентеров. В статье рассматриваются практические действия Ч. Грея в отношении наиболее важных событий в религиозно-политической жизни Великобритании конца XVIII – начала XIX в.

В это время наиболее острой проблемой, получившей широкий общественный резонанс в Британской империи, был так называемый католический вопрос – конфликт между католическим и протестантским населением из-за гражданского и религиозного неравноправия католиков. С особой остротой эта проблема ощущалась в Ирландии, где католики, будучи большинством населения, находились в приниженном экономическом, политическом и социальном положении в условиях так называемого «протестантского господства» – преобладающего влияния в Ирландии англо-ирландского протестантского меньшинства.

В Англии ещё со времён Реформации господствовало самое неприязненное отношение к католицизму. Католики полностью исключались из общественной жизни. В конце XVII – первой половине XVIII в. под предлогом защиты Англиканской церкви как из рога изобилия сыпались карательные законы против католиков. Ирландские католики были лишены права становиться депутатами дублинского парламента, позже – права избирать депутатов. Кроме католиков в гражданских правах были ущемлены протестантские диссентеры (*dissenter* – сектант, раскольник), также не допускавшиеся ни в парламент, ни в муниципальные корпорации.

Как раз в это беспокойное время, когда ещё не улеглись страсти по поводу подавления массовых волнений в ирландской провинции Манстер, в возрасте 22 лет Чарльз Грей впервые был избран в парламент от своего родного графства Нортумберленда в

1786 г. Почти сразу же он сблизился с либеральным кружком вигов во главе с Чарльзом Фоксом, находившимся в оппозиции к консервативному правительству Уильяма Питта-младшего. Это были годы, когда движение диссентеров за гражданские права вступило в решающую стадию.

Фокс и Грей активно поддерживали идею религиозной свободы и в парламентских дебатах требовали отмены законов, ограничивавших права религиозных меньшинств. Однако им приходилось действовать в обстановке всеобщей ненависти к диссентерам и католикам, ярким примером которой послужили печально известные погромы часовен и домов диссентеров в июле 1791 г. в Бирмингеме. Фанатичная толпа действовала с преступного попустительства местных властей. Предложение вигов о парламентском расследовании бирмингемских событий было отклонено 189 голосами против 46. В ходе дебатов Грей говорил: «Это была не политически, а религиозно настроенная толпа, побуждаемая кровавым духом фанатизма и манией преследования. Многие дома были сожжены и разрушены под возгласы “Церковь и король навсегда”, “Долой пресвитериан!”...»¹.

Если движение английских диссентеров в начале 1790-х гг. пошло на спад, то католическая Ирландия продолжала бурлить и серьёзно беспокоить политический истеблишмент страны. Уильям Питт-мл. понимал, что болезненную проблему предоставления католикам гражданских прав нужно как-то решать. В 1793 г. ему удалось добиться принятия нового закона о выборах (*Franchise Act*): ирландцы-католики были допущены к избирательным урнам. Помимо прочего, католикам разрешалось занимать низшие офицерские должности в армии и на флоте в пределах Ирландии. При этом они не могли дослужиться до звания полковника.

Однако эти уступки носили ограниченный характер, и ситуация в Ирландии продолжала оставаться накалённой. Более того, в 1797–1798 гг. на неё обрушилась волна репрессий, послужившая катализатором массового общенационального восстания ирландцев в 1798 г.

После смерти Питта в январе 1806 г. было сформировано так называемое Министерство всех талантов во главе с Уильямом

¹ Цит. по: *Trevelyan G.M. Lord Grey of the Reform Bill being the Life of Charles, second Earl Grey. L., 1929. P. 36.*

Гренвиллем. Основное место в новом правительстве отводилось вигам, сторонникам Ч. Фокса. Грей, ставший теперь лордом Говиком, занял пост Первого лорда Адмиралтейства. Сам Фокс получил портфель министра иностранных дел. Однако после его кончины в сентябре того же года эта должность перешла к Грею, ставшему также лидером вигов в Палате общин. По его мнению, первоочередной задачей правительства было распространение политических прав на католиков и диссентеров. Решение вопроса о католиках осложнялось тем, что он неизбежно ассоциировался в общественном сознании с ирландской проблемой. По мнению английского историка Дж.У. Дерри, «если бы не ирландское измерение, возможно, что английские, шотландские и уэльские католики были бы допущены к публичной политике значительно раньше, чем это переросло в серьёзную проблему»¹.

Грей и Гренвилль осознавали, что ситуация не позволяет им в полной мере возобновить дебаты в защиту эмансипации католиков. Поэтому они решили ограничиться попыткой частичной либерализации законодательства по отношению к ним. Отталкиваясь от упомянутого выше закона У. Питта 1793 г., под давлением войны с Францией, Грей и Гренвилль предложили предоставить католикам право занимать офицерские должности во всём Объединённом королевстве. Это могло бы решить проблему набора в армию, позволило бы опытным офицерам-католикам продвигаться по службе и смягчило бы ситуацию в Ирландии.

Инициатива лидеров вигов натолкнулась на яростное сопротивление со стороны противников реформы и короля, который решительно высказывался против, считая, что его министры идут по опасной дороге. Шестого марта 1807 г. Грей писал лорду Понсонби: «Вчера у нас были дебаты по двум вопросам: один – по поводу расширения субсидий Мэйнуту, другой – в связи с представлением билля о католиках-офицерах. Они выявили такой дух враждебности и фанатизма у наших противников, который высоко ценился в тёмные века религиозных предрассудков и нетерпимости»². В конечном счёте Гренвилль и Грей решили отказаться от предложенной ими реформы.

¹ *Derry J.W.* Charles, Earl Grey, Aristocratic Reformer. Oxford, 1992. P. 139.

² Цит. по: *Earle J.C.* English Premiers from Sir Robert Walpole to Sir Robert Peel. L., 1871. P. 241.

Отступление правительства всё же не спасло вигский кабинет. Георг III потребовал от министров дать письменное обещание никогда впредь не поднимать вопрос о католиках. По мнению Грея, подобное требование означало роспуск правительства. В письме к лорд-канцлеру Эрскину 17 марта 1807 г. он писал: «Я уверен, что вы согласитесь с тем, что когда от нас требуется принять такое обязательство, никакое другое действие, кроме как отставка, будет несовместимо с нашим долгом перед обществом и нашей честью»¹. В конце марта вигское правительство Гренвилля было распущено.

Министры-тори, руководимые герцогом Портлендским и Персевалем, находились у власти с 1807 по 1812 г. Теоретически они не отрицали возможности осуществления эмансипации католиков, но на деле ничего для этого не предпринимали. В стане вигов, очевидно вследствие предыдущей неудачи, возникли разногласия среди самих сторонников решения католического вопроса. Грей не отказался от идеи религиозной реформы, однако из политического благоразумия предлагал в сложившейся ситуации проявлять в этом деле умеренность и осторожность. Такая позиция Грея отчётливо прослеживается в его переписке со старым активистом движения за эмансипацию католиков Кристофером Вайвиллом в феврале 1808 – сентябре 1809 г.

Вайвилл пытался убедить Грея в необходимости предпринять какие-либо действия, чтобы сплотить сторонников реформы и дать понять католикам, что они имеют друзей-протестантов. Он писал о том, что сдержанность сторонников реформы в Англии вызовет недовольство в Ирландии и спровоцирует активную общественную деятельность по всей стране за отмену политических ограничений по религиозному признаку.

В своих ответах Вайвиллу Грей проявлял заметную осторожность. Он верил в принцип гражданской и религиозной свободы так же, как в насущную реформу парламента, но никогда бы не стал решать такие вопросы в чисто спекулятивном или абстрактном духе. Грей никогда не забывал о политическом контексте происходящего. Проявляя искреннее уважение к Вайвиллу, чья честность была известна, он опасался того, что непростое положение вигов и планы реформы могут быть осложнены безрассуд-

¹ *Derry J.W. Op. cit. P. 141.*

ной деятельностью католиков. В ответном письме Вайвиллу от 13 сентября 1809 г. он писал: «Поверьте, я – верный сторонник широчайших принципов толерантности. Но обстоятельства, связанные с религиозными принципами, тесно взаимосвязаны с политическими интересами страны. Нет ничего неразумного в требовании гарантий, которые могут быть дарованы без насилия над совестью»¹.

Гарантии, упоминаемые Греем, тогда стали главной темой политических дебатов по католическому вопросу. Наиболее важной и спорной из этих гарантий было так называемое вето. Оно состояло в том, что в ответ на предоставление католикам всей полноты прав власти стремились сохранить контроль над назначением католических духовных лиц, чтобы обеспечить их лояльность короне. Грей был убеждён, что без некоторых гарантий господствующей Англиканской церкви невозможно провести через парламент даже самую ограниченную религиозную реформу. Он полагал, что единственный путь, позволявший добиться эмансипации католиков, – это путь компромисса, путь взаимных уступок противоборствующих сторон.

Надежды Ч. Грея и вигов на позитивные изменения в решении католического вопроса появились в 1820 г., после смерти Георга III. В 1820-е гг. актуальность этого вопроса возрастала. В 1823 г. на базе уже давно существовавших обществ ирландцы во главе с Даниэллом О’Коннелом создали мощную Католическую ассоциацию и придали её деятельности поистине национальный масштаб. В период с 1821 по 1828 г. на обсуждение парламента семь раз выносился билль об эмансипации католиков, однако из-за противодействия тори и отсутствия реальной поддержки со стороны Георга IV он так и не стал законом.

В январе 1828 г. после отставки по состоянию здоровья графа Ливерпула пост премьер-министра занял Дж. Каннинг. Поскольку семь бывших министров-тори из правительства Ливерпула отказались работать под руководством либерального Каннинга, он обратился за поддержкой к вигам. Многие из них согласились сотрудничать с новым правительством. Однако Грей – с самого начала решительный противник Каннинга – заявил о своём отказе признать новый кабинет. Обращение Каннинга к вигам, по его

¹ *Derry J.W. Op. cit. P. 153.*

мнению, можно было принять во внимание только при условии гарантий решения католического вопроса: «Если бы Каннингу было позволено сформировать новое правительство с твёрдой уверенностью в том, что вопрос о католиках будет решён, я был бы расположен дать ему самую искреннюю поддержку», – писал Грей ещё в марте 1827 г.¹ Каннинг был благожелательно настроен к католикам и неоднократно демонстрировал намерение добиться определённого компромисса в деле их политической эмансипации. Однако внезапная смерть первого министра прервала дальнейшие шаги в этом направлении.

Формирование нового кабинета было поручено герцогу Веллингтону. Все противники эмансипации католиков ликовали по поводу его назначения премьер-министром. Консервативная газета «*Morning Post*», выражая надежды своих читателей, писала, что герцог объединит вокруг себя «всех верных и преданных конституции людей» и не допустит никаких серьёзных преобразований².

Однако уже в мае 1828 г. парламент принял закон о предоставлении политических прав протестантским диссидентам, что вдохновило всех сторонников эмансипации, в том числе и Ч. Грея. Осторожная позиция в католическом вопросе осталась в прошлом. Теперь надо было действовать быстро и решительно. Девятнадцатого мая 1828 г. Грей представил палате лордов петицию от английских католиков, которые просили снять с них законодательные ограничения. В очередной раз католики уверяли членов парламента в своей «искренней преданности английской конституции и интересам страны»³.

В июне ситуация в Ирландии очень обострилась. По всей стране проходили митинги, которые ирландская администрация называла «массовыми беспорядками». В середине августа 1828 г. Веллингтон направил Георгу IV меморандум, в котором просил короля дать кабинету разрешение на рассмотрение ирландского вопроса. «В Ирландии в скором времени неизбежно вспыхнет восстание, – мотивировал он своё обращение. – Долг каждого из нас посмотреть правде в глаза»⁴.

¹ Trevelyan G.M. Op. cit. P. 375.

² Цит. по: Соловьёва Т.С. Эмансипация католиков Великобритании в 1829 г. // Религии мира: история и современность. М., 2003. С. 173.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же. С. 184.

Грей одобрил попытки Веллингтона добиться предоставления католикам политических прав. Оба государственных деятеля были в хороших личных отношениях. Время от времени герцог навещал Грея в его имении в Нортумберленде, а последний в течение нескольких зим жил с женой в доме премьер-министра в Девоншире, скрываясь от сурового климата Северо-Востока. Он был готов помочь Веллингтону провести эмансипацию через парламент, однако мешали два обстоятельства. Первое было связано с разговорами о возможном включении Грея в состав кабинета. Однако для лидера вигов помощь премьер-министру была одним делом, а перспектива стать министром в его правительстве – другим.

Во-вторых, Ч. Грей осуждал Веллингтона за чрезмерную, по его мнению, осторожность и медлительность в отношении билля о католиках. В феврале 1829 г. в письме к жене русского посла, княгине Ливен, он писал: «В настоящий момент я не могу выступать в оппозиции к правительству ввиду трудностей, возрастающих на пути решения католического вопроса, который для меня имеет первостепенное значение. С другой стороны, я не могу открыто признать себя сторонником правительства, которое ничего не предлагает, кроме неопределённых и, по мнению многих, двусмысленных заявлений о стремлении сделать то, что я нахожу правильным и необходимым в решении этого важного вопроса»¹.

Тем временем правительство Веллингтона всё же подготовило проект реформы. Он состоял из трёх частей: запрет Католической ассоциации, эмансипация католиков и повышение избирательного ценза в Ирландии. Пятого марта 1829 г. министр внутренних дел Роберт Пиль внёс в парламент билль об отмене ограничений в отношении подданных его величества, исповедующих католицизм. Его речь продолжалась около пяти часов и имела огромный успех. Министр был поддержан многочисленными выступлениями его сторонников, в том числе и лордом Греем, который обратился к парламентариям во время второго чтения билля о католиках 17 марта 1829 г.: «Что касается меня, уважаемые лорды, то мне простительно выразить личное удовлетворение, ликование и, можно добавить, чувство личной гордости. Реформы, которые я считал своим долгом по отношению к народу неизменно поддер-

¹ *Correspondence of Princess Lieven and Earl Grey*. L., 1890. Vol. 1. P. 236.

живать, выдвигались на протяжении долгого времени. И справедливость восторжествовала!»¹.

Тринадцатого апреля 1829 г. Билль об эмансипации католиков получил подпись короля и стал законом королевства. По мнению английского историка Дж. Мэчина, католическая эмансипация как часть прогрессивного направления в обществе была вторым из трёх великих актов на пути к конституционному либерализму в Англии². Следуя закону о диссентерах, успех борьбы за права католиков, в свою очередь, вдохновил движение за парламентскую реформу.

Ч. Грей был сторонником и активным защитником этих либеральных мер и внёс значительный вклад в их реализацию, особенно в принятие «Билля об изменении избирательной системы в парламент в 1832 г.». На протяжении всей своей политической карьеры он был предан делу освобождения католиков и диссентеров. Именно по этой причине Грей оказался в отставке и многие годы подвергался политическому ostracism со стороны Георга III и его преемника Георга IV. «Эдинбург ревю» писала о Грее в 1829 г. следующее: «Он пожертвовал властью в 1807 г., сделался объектом религиозного и политического протеста, вследствие которого он был вдали от правления... никакая другая причина, нежели его преданность этому великому делу, не способствовала тому, что в течение большей части своей жизни он был лишён возможности служить государству. Теперь он видит, как вопрос решается его противниками, и он торопится для завершения работы предоставить им свою помощь со всей решимостью и усердием»³.

Об авторе

Сидоренков Андрей Викторович – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

¹ Цит. по: *Jones W.* Biographical sketches of the Reform Ministers. L., 1832. P. 32.

² *Machin G.I.T.* The Catholic Question in English politics, 1820 to 1830. Oxford, 1964. P. 191.

³ Цит. по: *Grey C.H.* Some Account of the Life and Opinions of Charles, second Earl Grey. L., 1861. P. 55.

О.И. Табешадзе

**Советская и современная российская
историография истории
Республиканской партии США в 1854–1860 годах**

Важнейшее событие в истории США XIX в. – вторая буржуазная революция – непосредственно связано с деятельностью Республиканской партии. Поэтому проблемы её образования, формирования организационной структуры и идеологических основ, а также деятельности республиканцев во второй половине 50-х гг. XIX в. вызывают научный интерес. В статье предлагается обзор работ советских и современных российских учёных, посвящённых начальному этапу истории Республиканской партии от её образования в 1854 г. до начала Гражданской войны.

В советское время формирование американистики началось ещё в 1920–1930-е гг. А.В. Ефимов и В.И. Лан осуществляли социально-классовый анализ политических группировок¹. В.И. Лан доказывал, что изменения в функционировании партийно-политической системы США были тесно связаны с переходом страны в новую стадию капитализма и привели к распаду системы «виги – демократы» и к образованию Республиканской партии.

А.В. Ефимов одной из причин образования Республиканской партии называл необходимость заполнить образовавшуюся пустоту в политической системе США после раскола и распада партии вигов. По его мнению, в противовес Демократической партии более «решительные действия и требования республиканцев об открытии западных земель для бесплатного поселения на них фермеров, ограничения и затем уничтожения рабства привели к тому, что на выборах 1860 года народные массы отдали свои голоса за представителя республиканской партии А. Линкольна»².

¹ См.: Лан В.И. Классы и партии в США. М., 1932; Ефимов А.В. К истории капитализма в США. М., 1934; Его же. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания Гражданской войны. М., 1955; Его же. Очерки истории США. М., 1958.

² Ефимов А.В. Очерки... С. 25.

Рассматривая процесс раскола старых политических партий и образования новой Республиканской партии, А.В. Ефимов подчёркивал, что «из буржуазно-фермерских элементов партий виггов и демократической, к которым примкнули фрисойлеры и члены некоторых других аболиционистских организаций, возникла новая партия — республиканская»¹. Анализируя платформу Республиканской партии, принятую на съезде в Чикаго в 1860 г., он делал вывод, что «хотя и не вполне прямо и до конца, но всё же республиканская партия в 1860 г. выступила как противник рабства»².

В 1960–1970-е гг. советские американисты лишь эпизодически и крайне выборочно обращались к истории образования Республиканской партии. Отдельные аспекты этой темы рассматривались советскими учёными в контексте развития двухпартийной системы в США³. Сравнительный анализ двух американских политических партий позволил авторам «Очерков Новой и Новейшей истории США» выделить отличительную черту процесса образования Республиканской партии, которая состояла в том, что «силы противников рабства сначала объединились в республиканской партии, а затем выдвинули руководителя из своей среды — А. Линкольна»⁴.

В 1977 г. на историческом факультете МГУ была создана лаборатория по изучению политической истории США. В 1980-е гг. сотрудники лаборатории опубликовали ряд теоретико-методологических и конкретно-исторических работ об истории Республиканской партии и этапах её развития. И.П. Дементьев, Н.В. Сивачёв, Е.Ф. Язьков и В.В. Согрин охарактеризовали исходные идейные и организационные черты образовавшейся

¹ Ефимов А.В. Очерки... С. 26.

² Там же. С. 32.

³ См.: *Очерки Новой и Новейшей истории США* / под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 1960; Ефимов А.В. *США: на пути развития капитализма*. М., 1969; Дементьев И.П., Манькин А.С., Сивачёв Н.В. [и др.]. К вопросу о периодизации истории двухпартийной системы США // *Вопросы методологии и истории исторической науки*. М., 1978; Манькин А.С., Сивачёв Н.В. *Двухпартийная система в США: история и современность*. Некоторые методологические проблемы исследования // *Новая и Новейшая история*. 1978. №3.

⁴ *Очерки Новой и Новейшей истории США...* С. 210.

28 февраля 1854 г. Республиканской партии¹. Они акцентировали внимание на том, что, объединив все антирабовладельческие слои населения, республиканцы сменили вигов в качестве соперника демократов в двухпартийной системе. По мнению авторов исследования двухпартийной системы США, образование Республиканской партии стало «следствием глубоких социально-экономических и идейно-политических сдвигов в американском обществе»². Они подчёркивают, что именно «республиканцы предложили целый комплекс преобразований, призванных кардинальным образом изменить сложившуюся в США социально-экономическую структуру» и защитить интересы промышленной буржуазии Севера³. Высокую оценку авторы дали выступлениям Линкольна в ходе публичных дебатов с С. Дугласом в 1858 г. Именно они способствовали окончательной консолидации антирабовладельческих сил вокруг Республиканской партии и победе Республиканской партии Линкольна на президентских выборах 1860 г.

В диссертационной работе В.М. Кричевского, посвящённой идейно-политической борьбе в США по вопросам рабовладения в период с начала XIX в. до конца 1850-х гг., отмечено, что «у истоков Республиканской партии, как правило, стояли последовательные противники рабства, отстаивавшие эффективные методы борьбы против экспансии рабовладельцев». Автор рассматривал позицию руководства Республиканской партии США по различным политическим и экономическим вопросам, указывая на то, что она «отражала интересы растущей северной буржуазии»⁴.

Более подробно процесс образования Республиканской партии рассмотрен в работах А.С. Манькина, А.А. Кормильца,

¹ См.: Манькин А.С., Сивачёв Н.В. Указ. соч.; Дементьев И.П., Согрин В.В. О роли идеологии в истории двухпартийной системы США // Новая и Новейшая история. 1980. № 6; Никонов В.А. От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории Республиканской партии США. М., 1984; Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции / под ред. Е.Ф. Язькова. М., 1988–1989.

² Принципы функционирования... С. 161.

³ См.: Принципы функционирования... С. 164.

⁴ Кричевский В.М. Идейно-политическая борьба в США по вопросам рабовладения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. С. 96.

С.А. Поршакова¹. А.С. Манькин среди проблем, возникших во вновь образованной Республиканской партии, главной называет расхождения в вопросе о рабстве. Он пишет о том, что «ни одна другая партия в истории США не возникла на базе объединения столь неоднородных по своему политическому мировоззрению групп»². Это, по его мнению, сильно затрудняло разработку программных установок партии, определение её стратегии и тактики. Кроме того, автор отмечает трудности в политической классификации республиканцев, потому что «один и тот же человек мог выступать за предоставление фермерам свободного доступа к земле, но подозрительно относиться к молодому рабочему движению»³.

Процесс размежевания в Республиканской партии по вопросу о рабстве подвергся специальному исследованию в монографии А.А. Кормильца и С.А. Поршакова. Они отмечали, что «представители сложившейся в республиканской партии группировки по вопросу о рабстве по-разному рисовали себе перспективы решения расовой проблемы»⁴. Лидеры радикального крыла Ч. Самнер, Г. Гиддингз, Г. Вильсон и С. Чейз ратовали за ликвидацию рабовладения и дальнейшее беспрепятственное развитие капиталистических отношений, хотя программа не предусматривала уничтожение рабства в южных штатах и немедленное освобождение негров. Программа консерваторов во главе с Э. Бейтсом, Ф. Блэром, Дж. Макклином и Т. Корвином ограничивалась лишь восстановлением положений Миссурийского компромисса. Постепенно ведущей группировкой в партии стали умеренные противники рабства, которые опасались дальнейшего углубления конфликта и были готовы пойти на новые компромиссы с рабовладельцами. Программа умеренных республиканцев была направлена на территориальное ограничение рабовладения и его нераспространение на новые территории. К лидерам этой группировки принадлежали У. Сьюард, А. Линкольн, Д. Уилмот, Л. Трамбул. Их усилиями по-

¹ См.: Манькин А.С. История двухпартийной системы США. Проблемы американистики. М., 1981; Кормилец А.А., Поршаков С.А. Кризис второй партийной системы США накануне и в годы Гражданской войны в США (1840–1865 гг.). М., 1987.

² Манькин А.С. Указ. соч. С. 64.

³ Там же. С. 65.

⁴ Кормилец А.А., Поршаков С.А. Указ. соч. С. 42.

зиция республиканцев по отношению к рабству в конце 1850-х гг. стала более умеренной. Крайне немногочисленной в Республиканской партии была группировка аболиционистов, видные деятели которой (Г. Смит, К. Клей, У. Филипс) находились в числе инициаторов создания первых партийных организаций. Постепенно их влияние в партии слабело.

В современной российской американистике наибольшую активность в изучении социально-политической истории США 50–60-х гг. XIX в. проявляет В.В. Согрин¹. В своих исследованиях он обращается к процессу формирования идеологии Республиканской партии. На основе разнообразного документального материала историк показывает преемственность идеологии Республиканской партии с предшествовавшими ей общественными движениями. Он пишет, что «в течение двух лет Республиканская партия являлась с идеологической точки зрения преемницей партии Фри сойл», что «при всей противоречивости позиции Республиканской партии она, безусловно, выступала наследницей и продолжательницей либерально-демократической традиции Джефферсона и Джексона, существенно обогатив эту традицию уже в 1850-х гг.»²

Существенный вклад в изучение деятельности Республиканской партии во второй половине 1850-х гг. вносят биографические сочинения, посвящённые лидерам республиканцев, в частности Линкольну. Его целеустремлённость, огромная работоспособность и личное обаяние способствовали возвышению партии на политической арене США. Д. Заславский отводит Линкольну ведущую роль среди республиканцев, относя его «к числу тех великих государственных деятелей, борцов за демократию, имена которых дороги всему прогрессивному человечеству»³. Д.Б. Перов характеризует А. Линкольна как «одного из организаторов Республиканской партии»⁴.

¹ См.: Согрин В.В. Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. М., 1995; *Его же*. Президенты и демократия. Американский опыт. М., 1998; *Его же*. Политическая история США. М., 2001.

² Согрин В.В. Политическая история США... С. 138.

³ Заславский Д. Великий президент // Новое время. 1959. № 6. С. 13.

⁴ Перов Д.Б. Авраам Линкольн – великий гражданин Америки. М., 1960.

Р.Ф. Иванов высоко оценивает роль Линкольна в мобилизации антирабовладельческих элементов в республиканском лагере¹. Он отмечает острое противоборство между различными течениями в Республиканской партии по вопросам рабства и делает вывод, что её «умеренная программа явно не соответствовала той степени революционного брожения, которым была охвачена страна», и что «непоследовательность, нерешительность и близорукость политики республиканцев привели американское общество к неминуемому кризису и Гражданской войне»². Эту мысль подтверждают авторы издания «100 человек, которые изменили ход истории. Авраам Линкольн». Они представляют первого республиканского президента как «дальновидного политика, который понимал нравственную необходимость установления равенства между всеми людьми»³.

Т.В. Алентьева обратилась к изучению деятельности другого лидера Республиканской партии, конкурента Линкольна во время президентской кампании 1860 г. – У.Г. Сьюарда. Отмечая его необычайную активность в партийных делах, историк пишет: «С 1856 по 1860 г. Сьюард становится наиболее выдающейся фигурой в партии республиканцев». Выступая против распространения рабства, «Сьюард детально обрисовал, какие опасности подстерегают Союз, если власть рабовладельцев не просто сохранится, но и упрочится при помощи демократической партии»⁴.

Историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что история образования и деятельности Республиканской партии в 1854–1860 гг. до сих пор не стала для отечественных американистов темой самостоятельного исследования. Такие аспекты, как возникновение Республиканской партии, формирование её идеологических и организационных основ, участие в местных и центральных выборах, в том числе в президентской кампании 1860 г.,

¹ См.: Иванов Р.Ф. Линкольн и Гражданская война в США. М., 1964. С. 114.

² Там же. С. 116.

³ 100 человек, которые изменили ход истории. Авраам Линкольн. М., 2009. С. 6.

⁴ Алентьева Т.В. Путь на олимп власти США. Политическая карьера Уильяма Генри Сьюарда до Гражданской войны 1861–1865 гг. // Политическое лидерство в истории Нового и Новейшего времени. Калининград, 2007. С. 44.

представлены в трудах советских и современных российских учёных весьма поверхностно и фрагментарно. Более глубокое изучение этих аспектов позволит решить актуальную научную задачу создания специальной монографической работы по истории Республиканской партии, сыгравшей важную роль в Новой и Новейшей истории США.

Об авторе

Табешадзе Ольга Ивановна – аспирантка кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

И.А. Воробьёв

**«В пользу мира»:
из истории англо-русских культурных связей
второй половины XIX века**

Отношение общества викторианской Англии к русским во многом формировалось усилиями отдельных энтузиастов – как правило, они направляли свои усилия на преодоление сложившегося в Англии негативного образа России и русских. Эти люди активно занимались пропагандой русской культуры, старались познакомить соотечественников с традициями, историей России, выступали за англо-русское сотрудничество и сближение двух стран.

Взгляды британских русофилов вступали в острое противоречие с русофобскими настроениями, господствовавшими в английском обществе на протяжении большей части правления королевы Виктории (1837–1901). Относительно ровные англо-русские отношения в середине 1850-х гг. по меньшей мере на полтора десятка лет были омрачены Крымской войной; антирусскими настроениями тех лет были навеяны стихи многих английских поэтов: Альфреда Теннисона, Мартина Таппера, Сиднея Доббела, Алек-

сандра Смита и др.¹ Одним из ярких идеологов русофобии в Англии в 1850–1860-х гг. был публицист Дэвид Уркхарт, фанатично настроенный против России и всего русского. Он обвинял даже русских политических эмигрантов, проживавших в Англии, в том, что они выполняют шпионские функции, причём в своих обвинениях не брезговал никакими средствами. Герцен писал по этому поводу, что «англичанин вообще довольно глуп, а когда появляются... сумасшедшие, вроде Уркхарта, который утверждает, что все русские – царские агенты... то нечего удивляться, если и вам бросают обвинения»². Положение дел не менялось на протяжении последующих десятилетий – беллетрист П.Д. Боборыкин даже в 1868 г. был вынужден признать, что «англичане нас не любят вообще, то есть в массе»³. Новый всплеск русофобии в Англии в 1877 г. был вызван началом русско-турецкой войны – именно тогда Альфред Теннисон заявил: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть, пока не умру»⁴. Русская публицистика охранительного направления О.А. Новикова, долгое время прожившая в Лондоне, с сожалением писала в конце 1870-х гг. о «безотчётной антипатии к русским», которую демонстрировали англичане, об их «привычке обвинять нас в грехах прошлых, настоящих и будущих»⁵. Таким образом, стоит признать, что немногочисленным англичанам-русофилам пришлось столкнуться со значительными трудностями.

Уильям Рольстон (1829–1889), представлявший мир английской науки, был одним из наиболее ярких и деятельных энтузиастов, укреплявших англо-русскую дружбу. Талантливый филолог, публицист и переводчик, он одним из первых обратил внимание

¹ *Аринштейн Л. М.* Русская тема в «Демократических сонетах» Уильяма Россетти // *Россия и Запад: из истории литературных отношений.* Л., 1973. С. 71.

² Цит. по: *Партридж М.* Александр Герцен и его английские связи // *Проблемы изучения Герцена.* М., 1963. С. 354.

³ *Боборыкин П. Д.* Столицы мира: Тридцать лет воспоминаний // *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. М., 1965. Т. 2. С. 218.

⁴ Цит. по: *Ищенко Н. А.* К вопросу о литературных стереотипах и предрассудках: Альфред Теннисон и Россия. URL: <<http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r250r040516092522>>.

⁵ *Новикова О. А.* Английские предрассудки // «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945. М., 2001. С. 302, 304.

на многие явления русской литературы, которые впоследствии сделались предметом живейшего обсуждения в западной критике; ему принадлежит заслуга «открытия» для английского читателя целого ряда русских писателей второй половины XIX в.; кроме того, Рольстон содействовал устранению различных заблуждений и предубеждений английских читателей относительно России вообще, притом в такие годы, которые отнюдь не могли благоприятствовать англо-русскому культурному сближению.

Интерес Рольстона возрастал по мере того, как он знакомился с русским языком и завязывал отношения с русскими писателями. В 1853 г. он поступил на службу в библиотеку Британского музея в Лондоне, где и проработал до 1875 г.

Статьи Рольстона о русской литературе начали появляться в английских журналах с середины 1860-х гг. В 1866 г. он напечатал в «Фортнайтли ревью» свою статью об А.В. Кольцове; в 1868 г. в «Эдинбург ревью» была опубликована его статья об А.Н. Островском, которая завершалась такими словами: «Мы надеемся, что придёт время, когда Россия с лихвой оплатит свой долг и заставит нас устыдиться своего невежества, потому что в действительности у неё есть своя национальная литература»¹. В 1876 г. Рольстон поместил в журнале «Контемпорэри ревью» статью «Русские идиллии», посвящённую Н. А. Некрасову. В конце 1860-х гг. он написал также ряд статей о творчестве И.С. Тургенева. Главной работой Рольстона этого времени была его книга об И.А. Крылове, вышедшая в свет в Лондоне в конце 1868 г. В Англии книгу ждал хороший приём: положительные рецензии на неё поместили «Атенеум», «Сатэдэй ревью» и «Иллюстрэйтэд Лондон ньюс». По поводу этого издания Тургенев напечатал свою рецензию в английском журнале «Академия», где писал: «Слова “третье издание”, относящиеся к выходу басен Крылова в прекрасном переводе г. Рольстона, звучат особенно приятно для уха каждого русского, так как они показывают, что английский читатель начинает интересоваться его родной литера-

¹ Цит. по: *Алексеев М. П., Левин Ю. Д.* Вильям Рольстон – пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994. С. 20.

турой, жизнью и характером его народа, которые до сих пор рассматривал лишь с политической точки зрения»¹.

В 1879 г. в журнале «Девятнадцатое столетие» была опубликована статья Рольстона «Романы графа Льва Толстого» – краткий обзор творчества русского писателя. В различных английских журналах начала 1870-х гг. можно найти немало статей Рольстона по русскому фольклору. В 1872 г. выходят его «Песни русского народа»; сам Рольстон писал в связи с этим следующее: «Моя книга... была весьма благожелательна воспринята здешней печатью, особенно “Сатэдей ревью”, “Спектэйтор” и “Атензум”. Рядовые читатели воспримут книгу не так скоро, как критики, но всё же я надеюсь одержать победу и над ними»². Однако главной заботой Рольстона стало издание книги «Русские народные сказки», вышедшей в Лондоне в 1873 г.

Первых русских знакомых Рольстон приобрёл благодаря своей работе в Британском музее – чаще всего они были представителями ученого профессорского мира, приехавшими в Лондон для научных занятий. В их числе следует упомянуть М.Н. Капустина, И.И. Янжула, Н.И. Стороженко, И.И. Срезневского, И.П. Минаева. Часто принимала у себя Рольстона О.А. Новикова, которая, конечно, была рада использовать авторитет уважаемого филолога в своей пропагандистской деятельности. По настоящему тёплые, дружеские отношения установились между Рольстоном и И.С. Тургеневым. Кроме того, в Лондоне Рольстон, старавшийся обычно держаться подальше от политики, познакомился со многими представителями русской революционной эмиграции. Он знал Герцена и в 1870 г. написал большой некролог, в котором отдал дань уважения гражданскому мужеству и литературному таланту русского революционера. В приятельских отношениях, по крайней мере до 1883 г., Рольстон состоял с П.Л. Лавровым в период его лондонской жизни; знаком был с В.И. Кельсиевым, П.А. Кропоткиным, С.М. Степняком-Кравчинским, М.П. Драгомановым. Интересно, что, наладив контакты как с политическими эмигрантами, так и с законопослуш-

¹ *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем. М.; Л., 1967. Т. 14. С. 257.

² *Письма* Рольстона русским корреспондентам. Рольстон – Ф. И. Буслеву // Алексеев М. П., Левин Ю. Д. Указ. соч. С. 199.

ными подданными Российской империи, Рольстон продолжал выдерживать своеобразный нейтралитет.

Знакомство с русскими эмигрантами предоставило Рольстону дополнительную возможность проявить свои таланты и энергию. В майском выпуске «Деятнадцатого века» за 1877 г. появилась его статья «Русская революционная литература», написанная под впечатлением от «процесса пятидесяти». В ней рассказывалась история тайных революционных кружков в России, были упомянуты многие русские «нигилисты», а также назван ряд пропагандистских брошюр последних лет, немалая часть которых была издана в Лондоне знакомыми ему русскими эмигрантами.

В феврале 1879 г. Рольстон писал князю Павлу Вяземскому: «Я полагаю, что увижу вскоре поражение и другого врага. Это – чувство неприязни, которое в течение двух последних лет возникло между Англией и Россией – странами, которые я был бы рад видеть друзьями»¹.

С начала 1880-х гг. Рольстон сильно «поправел». Равнодушие к политической жизни содействовало его дальнейшее сближение с официальными представителями России. Вопросы англо-русской дружбы интересовали его сильнее, чем наступившая в России политическая реакция. Своим соотечественникам Рольстон старался представить Россию Александра III в самом благоприятном свете. Смерть И.С. Тургенева во многом ограничила дружеские связи Рольстона с представителями русской интеллигенции. «За последние годы я почти потерял из виду своих русских друзей и весьма пренебрегал своими русскими занятиями», – писал он Гроту 3 февраля 1884 г.²

К.Я. Грот, отдавая должное этому английскому русофилу, полагал, что основная заслуга Рольстона заключалась в том, «что он своими специальными трудами познакомил своих соотечественников с красотами и богатствами русского народного поэтического творчества»³.

¹ *Письма* Рольстона к Н. И. Тургеневу и П. П. Вяземскому // Алексеев М.П., Левин Ю.Д. Указ. соч. С. 57.

² *Письма* Рольстона русским корреспондентам. Рольстон – К. Я. Гроту // Там же. С. 132.

³ Там же. С. 46.

Как правило, деятельность англичан-энтузиастов была связана, а зачастую даже обусловлена их знакомством с видным, ярким русским, либо часто бывавшим в Англии, либо постоянно там проживавшим в силу тех или иных причин.

Таким человеком был С.М. Степняк-Кравчинский, революционный эмигрант, с 1884 г. находившийся в Англии и завоевавший там огромную известность благодаря своим «нигилистическим», по выражению самих англичан, взглядам, которые он выразил в ряде произведений – как публицистических, так и художественных. Многие из его близких друзей-англичан, вошедших впоследствии в Исполнительный комитет Общества друзей русской свободы, именно под его влиянием решили посвятить себя делу преодоления господствовавшей в английском обществе предрасположенности против всего русского.

Показателен в связи с этим пример Этель Лилиан Буль (1864–1960), впоследствии ставшей известной под фамилией мужа (Войнич). Со Степняком-Кравчинским Этель Лилиан познакомилась при посредничестве активной общественной деятельницы Шарлотты Вильсон. Решив перевести на английский язык сказку Кравчинского «Мудрица Наумовна», написанную им в начале 1875 г. и посланную в Лондон П.Л. Лаврову для печати, Буль начала учить русский язык с помощью Сергея Михайловича. Она даже совершила поездку к Лаврову в Париж с целью получить от него помощь и совет. «Мудрицу Наумовну» так и не удалось издать на английском языке, но Лилиан во что бы то ни стало хотела познакомить англичан со сказками своего друга и потому взялась за перевод другого произведения Степняка – «Сказки о копейке», написанной ещё в пору «хождения в народ». Войнич готовила этот перевод для большого сборника произведений русских писателей. Совместно с Эдуардом Пизом, одним из основателей Фабианского общества, Лилиан занималась литературной обработкой завершённого в 1889 г. романа Кравчинского «Карьера нигилиста».

Когда крупное издательство «Вальтер Скотт» задумало осуществить выпуск серии изданий «Интернациональный юмор», Буль (тогда уже Войнич) вместе со Степняком начала работу над сборником «Русский юмор» для этой серии – он вышел в 1895 г. Этель Лилиан перевела для него рассказы Гоголя и Салтыкова-Щедрина, сценки Островского. Совершенствуясь в русском языке, она мно-

го читала – и русских классиков, и номера «Народной воли», и произведения современной русской литературы, и всевозможные издания эмигрантской печати. Посовещавшись со Степняком, Войнич решила познакомить английского читателя с творчеством В.М. Гаршина и перевести его рассказы «Красный цветок», «Из записок рядового Иванова», «Трус» и «Происшествие»¹. Отпечатана эта книга рассказов была в другом издательстве, которое принадлежало другому английскому знакомому Степняка, деятельному члену Общества друзей русской свободы Фишеру Унвину.

Английский журналист Уильям Вестолл также был другом Степняка-Кравчинского: тот знал его ещё по Женеве и называл «Вестолушка». Вестолл перевёл на английский язык книгу Степняка «Россия под властью царей» и вместе с ним – «Слепота музыканта» В.Г. Короленко. Когда было решено осуществить перевод и других произведений Короленко («В дурном обществе» и «С двух сторон»), Вестоллу в работе начала помогала Войнич. Небольшое предисловие к этим переводам написал С.М. Степняк-Кравчинский².

Элеанора Эвелинг (1855–1898), супруга одного из основателей Социалистической лиги Эдуарда Эвелинга, хорошо знавшего Степняка-Кравчинского, в свою очередь находилась в тесной связи с группой «Освобождение труда», состояла в переписке с Г.В. Плехановым, получала от него книги. Она и стала переводчицей его книги «Анархизм и социализм». «Я надеюсь, дорогой друг, что смогу устроить Ваш труд против анархистов и что, может быть, будет полезно, чтобы познакомить с Вами английских издателей и публику», – писала она Плеханову. Через Элеанору Эвелинг вошла в среду английских социалистов Вера Засулич³.

Огромную роль в развитии англо-русских культурных связей сыграла Констанция Гарнет (1862–1946). Познакомившись со Степняком-Кравчинским, она под его влиянием заинтересовалась русской классической литературой. В начале 1894 г. появился её первый перевод И.С. Тургенева, положивший начало более чем

¹ См.: *Таратута Е. А.* Этель Лилиан Войнич. М., 1960. С. 70–71, 112.

² См.: Там же. С. 75.

³ См.: *Иванова Н. В.* Русская революционная эмиграция и развитие русско-английских общественных связей // Учёные записки Курского педагогического института. 1967. Вып. 43, ч. 1. С. 103, 104.

полувековой переводческой деятельности¹. Русскому языку её обучал Феликс Волховский². Близким другом мужа Констанции Гарнет был П.А. Кропоткин. Сама она была знакома с П.Л. Лавровым, который бывал в доме Гарнетов во время своей жизни в Англии. Среди её русских знакомых были также известный народовец А.Л. Линёв и его супруга, певица и собирательница русских народных песен Е.Э. Линева (Паприц). Не раз гостили в доме Гарнетов Вера Фигнер и Вера Засулич³.

Совершенно иначе заработал себе в Англии во многом скандальную славу русофила известный журналист-радикал У.Т. Стэд (1849–1912), стоявший на принципиально иных идеологических позициях, нежели уже перечисленные англичане, в той или иной степени склонные, не без влияния своих русских друзей, к социализму. Уильям Стэд, являясь близким другом О.А. Новиковой, русской публицистки, проживавшей с 1868 г. в Лондоне и являвшейся, по сути, рупором официальной российской пропаганды в Англии, и сам разделял многие её убеждения. Будучи редактором «Северного эха», а затем «Пэлл-Мэлл газет», он охотно предоставлял Ольге Новиковой страницы своих изданий, да и сам выступал со статьями откровенно пророссийского характера.

В 1888 г. Стэд, будучи редактором «Пэлл-Мэлл газет», посетил по приглашению Ольги Новиковой Россию и даже был удостоен личной аудиенции у Александра III в Гатчине. Российский император произвёл на английского журналиста чрезвычайно благоприятное впечатление (Стэд даже утверждал, что из всех русских Александр III более всего напомнил ему английского джентльмена), о чем было сообщено в «Пэлл-Мэлл газет» и в вышедшей вскоре книге с претенциозным названием «Правда о России»⁴. Восторженными отзывами об Александре III Стэд вызвал в Анг-

¹ См.: *Senese D.J.* S.M. Stepniak-Krachvinskii, the London years. Newtonville, 1987. P. 59.

² См.: *Slatter J.* Material on Russian political emigrants in British archives, 1850–1917 // *The Study of Russian history from British archival sources* / ed. by J.M. Hartley. London; N.Y., 1986. P. 141.

³ См.: *Иванова Н. В.* Из истории русско-английских культурных связей в 80-90-е годы XIX века // *Учёные записки Курского педагогического института.* 1966. Вып. 26. С. 159–160.

⁴ См.: *Senese D.J.* Op. cit. P. 95.

лии публичные обвинения в свой адрес. В «Вестминстер ревью» Стэд был даже назван «адвокатом деспота»¹.

Впрочем, в 1890-х гг., с началом правления Николая II, инициатива перешла к Стэду – на страницах своего журнала «Ревью оф ревьюз» он начал публиковать выдержанные в доброжелательном тоне статьи о Николае. Усилиями Стэда в 1890-х гг. стал формироваться образ русского императора-миротворца². В 1898 г. Стэд был даже удостоен аудиенции у Николая II³.

Английский журналист не ограничивался только публицистической деятельностью. В том же 1898 г. его собственное издательство выпустило серию под общим названием «Русская библиотека». Каждая книжка из этой серии, включавшая произведения Тургенева, Толстого, Чехова, стоила всего 6 пенсов – широкий спрос на произведения русской литературы обеспечивал этим изданиям гарантированный сбыт⁴.

По мнению Дональда Сенеса, чрезмерное восхваление Романовых и официальной России Стэдом было мотивировано его искренним и благородным стремлением улучшить англо-русские отношения⁵. Во всяком случае, в самом конце XIX века такие устремления вполне отвечали желанию английских правящих кругов заполучить себе нового союзника против усилившейся Германии. Ради справедливости надо также подчеркнуть, что издательская деятельность Стэда едва ли имела политическую подоплёку и носила скорее просветительский характер. Сам Стэд не без оснований заявлял: «Мы с Ольгой Алексеевной Новиковой единодушно работали в пользу мира»⁶.

¹ Цит. по: *Зашихин А. Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX – начало XX века. Архангельск, 1994. С. 114.

² См.: Там же. С. 116.

³ См.: *Slatter J.* Jaakoff Prelooker and «Anglo-Russian» // From the other shore: Russian political emigrants in Britain, 1880–1917. Immigrants and minorities. L., 1984. P. 58.

⁴ См.: *Иванова Н. В.* Из истории русско-английских культурных связей... С. 145–146.

⁵ См.: *Senese D. J.* Op. cit. P. 64.

⁶ Цит. по: *Митрофанов С.* Кто вы, Ольга Новикова? URL: <<http://exlibris.ng.ru/kafedra/1999-10-07/novikova.html>>.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что энтузиазм отдельных англичан, потративших много времени и усилий ради ознакомления своих соотечественников с выдающимися образцами русской общественно-политической мысли, художественной литературы, фольклора, просто с жизнью России и её народа, был обусловлен, как правило, их заинтересованным отношением к деятельности русских людей, оказавшихся в Англии. Именно дружба с представителями России, заинтересованными в сближении двух народов, давала этим англичанам энергию, желание работать. Русские нередко предоставляли им материалы, необходимые для работы, помогали совершенствоваться в языке, направляли их усилия в нужном направлении. В результате англичане, принадлежавшие к различным политическим лагерям (а то и вовсе не состоявшие ни в одном из них), зачастую с разных сторон двигались к одной и той же цели, побуждая своих соотечественников иначе, без былой враждебности и с благожелательным интересом обратиться к лучшим проявлениям творческих сил русского народа.

Об авторе

Воробьёв Илья Аркадьевич – студент 5-го курса исторического факультета РГУ им. И. Канта.

В.А. Старостенко

**Рыболовный промысел крестьян
Санкт-Петербургской губернии
в последней трети XIX – начале XX века**

Во второй половине XIX – начале XX в. Санкт-Петербургская губерния занимала обширное пространство на северо-западе Российской империи, ограниченное на протяжении сотен вёрст берегами Финского залива, Ладожского, Чудского и Псковского озёр. Финский залив омывал земли губернии от устья реки Сестры до реки Наровы на протяжении 200 вёрст, образуя последовательно Кронштадтскую губу, Копорский залив, Лугскую губу, Наровский залив. Вдоль берега тянулись мели, которые служили удобными

пристанями. Пересекали территорию губернии, впадая в Финский залив, реки Нарова, Луга, Нева, Сестра¹.

Благодаря такому изобилию водных сообщений рыболовный промысел занимал у местного крестьянского населения довольно заметное место, уступая лишь судоходному и лесному промыслам. Наибольшее распространение он получил в той части уездов и в тех волостях, которые исторически были расположены севернее. В частности, значительную роль рыболовный промысел играл в Новолодожском уезде. В данной местности наиболее густонаселёнными были берега реки Волхов, которая проходила по территории всего уезда. Наличие такой крупной водной артерии существенно сказывалось на развитии рыболовного промысла. К концу XIX в. в уезде доходы от него составляли 11,8% общего дохода крестьян². По данным переписи, на 1900 г. в Новолодожском уезде рыбными промыслами занимались 1553 семьи, что составляло 2488 человек со средним доходом около 139,6 руб. на человека. Однако следует отметить, что намного выгоднее речного было озёрное рыболовство. Первое давало на крестьянское хозяйство в среднем около 83,8 руб., а второе составляло на семью около 293,7 руб.³

Рыболовный промысел у крестьян Новолодожского уезда был развит и в приозёрной полосе – в таких волостях, как Шахновская, Изсадская, Михайловская, Кабонская и Доможировская. Здесь для большинства крестьянских семей рыбный промысел составлял главный, а порой исключительный источник существования. В этих волостях, наряду с рыбаками, промышленными только силами своей семьи, нередко можно было встретить рыбаков-предпринимателей, державших наёмных рабочих и имевших целые заведения. Они часто скупали рыбу у мелких рыбаков. Заработок таких предпринимателей достигал в год нескольких тысяч рублей. Крупные скупщики отправляли рыбу на своих судах в столицу, где получали от 50 до 100 % прибыли. В Петербурге ры-

¹ См.: *Исторический обзор деятельности земских учреждений Санкт-Петербургской губернии (1865–1915 гг.)*. СПб., 1917. С. 3.

² См.: *Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии (далее – МСНХ)*. СПб., 1896. Вып. 8: Крестьянское хозяйство в Новолодожском уезде. Ч. 2. С. 217.

³ *Промыслы крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Новолодожский уезд*. СПб., 1908. С. 23.

ба поступала к комиссионеру, который также брал за комиссию 12–13% с рубля; таким образом, пока рыба доходила до потребителя, её цена возрастала по меньшей мере в два раза¹.

Что касается рыболовных артелей и товариществ, то, за исключением Кабонской волости Новоладожского уезда, их организовывали довольно редким явлением. Традиционно они были при ловлях неводами, которые устраивались сообща. Каждый из участников имел в улове свой пай: крестьяне несли определённые расходы,ставляли необходимую рабочую силу и соответственно своему паю получали долю общего улова. Наряду с мужчинами как пайщики при ловле могли участвовать женщины и подростки, однако этот промысел считался в основном мужским.

Во главе артелей стояли владельцы невода, которые получали большую часть улова. Они же заключали договоры на поставку рыбы с рыбопромышленниками. Согласно договору, если поставка рыбы промышленнику не производилась в срок, то вся артель обязана была уплатить штраф не менее 25 руб. Таким образом, рыбный промысел давал солидный заработок в первую очередь крупным предпринимателям или артелям рыбаков. Соответственно доходы крестьян, занимавшихся промыслом рыбы силами семьи, были значительно ниже. Подобная картина наблюдалась не только в Новоладожском, но и в других уездах губернии.

Что касается доходности промысла в целом, то его уровень значительно колебался в зависимости от уезда. В последней трети XIX в. в Ямбургском уезде, где речными и морскими промыслами занималось более половины всего крестьянского населения, совокупный ежегодный доход крестьян доходил до 35–40 тыс. руб.² В Санкт-Петербургском уезде доход одного крестьянина от рыбной ловли составлял 141 руб. в год³. В Шлиссельбургском уезде рыболовством было занято 213 крестьян с ежегодным доходом до 90 руб. на лицо⁴. Промысел этот был распространён в Ивановской,

¹ *Промыслы крестьянского населения...* С. 29.

² См.: МСНХ. СПб., 1885. Вып. 3: Крестьянское хозяйство в Ямбургском уезде. С. 215.

³ См.: МСНХ. СПб., 1887. Вып. 5: Крестьянское хозяйство в Санкт-Петербургском уезде. С. 297.

⁴ См.: МСНХ. СПб., 1885. Вып. 2: Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде. С. 206.

Колтушской и Рябовской волостях¹. В Царскосельском уезде от рыболовного промысла крестьяне получали до 75 руб. в сезон².

Рыболовный промысел был широко распространён в Гдовском уезде, по территории которого на протяжении 65 вёрст тянулось побережье Чудского и на 35 вёрст – Псковского озера. Среди внутренних озёр выделялись Долгое, Которское и Салеро. На берегах последнего проживала наиболее зажиточная часть крестьянского населения уезда. Озеро изобиловало рыбой, которую перекупщики скупали у крестьян и переправляли в Петербург. В данном уезде в конце XIX в. крестьянин, занимавшийся ловом рыбы, имел около 70 руб. ежемесячно³, а к началу XX в. эта сумма увеличилась до 118 руб. Рыболовным промыслом занимались во всех волостях уезда, за исключением Константиновской и Юдинской⁴. Таким образом, ежегодный доход одного крестьянина в пределах губернии колебался от 90 до 140 руб. в зависимости от уезда, что являлось неплохим подспорьем для крестьянского бюджета.

Что касается особенностей самого промысла, то здесь можно отметить следующее. На Чудском и Псковском озёрах был распространён лов снетков, проходивший в основном в зимнее время года. Снеток продавали на рынках или сдавали в местные снетосушильные заведения. Весной крестьяне занимались ловом судака, плотвы, щуки, окуня, язя и осетровых. В жаркое время года ловили сига и судака, осенью шел лов сига, форели и лосося.

Лов рыбы в летнее время начинался с раннего утра. В 3–4 часа утра крестьяне отправлялись на озёра и реки, а возвращались домой около 6–7 часов вечера. Хороший улов сига приходился на середину лета во время сенокоса. Осенью, особенно при ловле тех же сига, крестьяне из приозёрных деревень выезжали со своим снаряжением на острова, находившиеся за 30–40 вёрст вокруг новой Ладоги, и домой возвращались только через три недели. В зимний период, когда ловля почти не приносила доход, рыболо-

¹ См.: *Промыслы* крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Шлиссельбургский уезд. СПб., 1909. С. 27.

² См.: МСНХ. СПб., 1892. Вып. 7: Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. С. 275.

³ См.: МСНХ. СПб., 1886. Вып. 4: Крестьянское хозяйство в Гдовском уезде. С. 182.

⁴ См.: *Промыслы* крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Гдовский уезд. СПб., 1914. С. 113.

вы занимались приготовление снастей для весеннего лова. Ранней весной рыбу ловили около берегов и устьев рек¹. Зачастую рыболовный промысел служил единственным подспорьем в крестьянском хозяйстве. На территории губернии был распространён промысловый лов раков, которые употреблялись в пищу населением края, а также отправлялись за границу. Торговля раками в Петербурге началась в 80-е годы XIX в. Особенно активно она шла в апреле, мае и июне – до привоза из Финляндии раков, которые ценились выше местных. Выручка крестьянина за одну ночь ловли могла составлять немало – от 2 до 3 руб.²

Орудия лова были весьма разнообразны: неводы, мережи, воротницы, бродники, райги, сетки, переметы и удочки. Стоимость снастей была достаточно высокой. Так, мережа, или конусообразная сетка, у заправского рыбака могла стоить от 25 до 30 руб., так как срок службы её достигал пяти лет. Невод доходил в цене до 40 руб., а райга обыкновенно принадлежала всей деревне. Также крестьянину были необходимы лодка, которая стоила 30 руб., и якорь в 2 пуда, стоивший около 8 руб.³ Таким образом, занятие рыбным промыслом требовало определённых финансовых вложений, что и вынуждало крестьян объединяться в артели и товарищества.

В конце XIX – начале XX в. рыболовным промыслом крестьянское население занималось практически на всей территории Санкт-Петербургской губернии. Исключение составляли Лужский и Петергофский уезды, так как традиционно крестьянское население этих уездов уходило на заработки в столицу. Рыболовный промысел являлся неотъемлемой частью крестьянской жизни и необходимым подспорьем в бюджете семьи крестьянина, даже несмотря на сезонный характер промысла, его трудоёмкость и материальные затраты на приобретение необходимого снаряжения.

Об авторе

Старостенко Виктория Анатольевна – аспирантка кафедры истории России РГУ им. И. Канта.

¹ См.: *Промыслы* крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Новолодожский уезд... С. 26–27.

² См.: *Сельский вестник*. 1990. № 52. С. 954–955.

³ См.: *Промыслы* крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Новолодожский уезд... С. 27–28.

Раздел 2

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА

Д.В. Манкевич

Голоса из прошлого

**«Информации» райкомов и горкомов ВКП(б) – КПСС
о «настроениях трудящихся»
Калининградской области
(вторая половина 1940 – начало 1950-х годов)**

При поверхностном знакомстве с историей советского общества периода сталинизма нередко возникает соблазн оценить это общество как почти безмолвствующее, не имеющее своего мнения, отличного от того, что навязывалось официальной пропагандой. Научно-популярные работы, и особенно школьные учебники истории, создают образ единого, цельного сознания советского народа, безусловно доверяющего вождю, «партии и правительству». Иногда это преподносится как осознанная гражданская позиция советских людей, свидетельство бесспорной легитимности советской власти, её высочайшего авторитета и искреннего преклонения перед личностью и деяниями И.В. Сталина, иногда – как результат репрессий, террора, следствие лишаящего сил страха перед властью.

Отрадно, что многие исследователи той эпохи оказались способными удержаться от упрощений, односторонних суждений, излишне эмоциональных оценок. Среди них – Е.Ю. Зубкова, Н.Б. Лебина, Ю.Н. Жуков, В.В. Кожин. Авторы этих работ рассматривают советское общество 30–50-х гг. XX в. как сложный, нередко противоречивый социальный организм, важный объект для междисциплинарных исследований, а общественное сознание периода сталинизма – как причудливое сочетание официальной идеологии и здравого смысла, сакрализации верховной власти и недоверия к местной, рациональных и религиозных установок.

Эффективным средством реконструкции «советской ментальности» может стать анализ общественного мнения. Ведь, как справедливо отмечает Е.Ю. Зубкова, «любой политический режим, даже диктаторский, не может существовать без поддержки общественного мнения, т.е. мнения, которое человек высказывает публично, вслух, в присутствии других людей, не боясь оказаться в изоляции»¹.

Изучение общественного мнения советского населения Калининградской области уже имеет свою историю². Тем не менее исследование этой интереснейшей сферы жизни населения нашего края продолжается.

Несколько слов об источниках. С конца 20-х до конца 50-х гг. в Советском Союзе не функционировали публичные социологические службы, все сведения о настроениях населения были отнесены к категории секретной информации. Поэтому исследователи истории советского общества 30–50-х гг. не имели в своём распоряжении данных ни социологических опросов, ни мониторингов общественного мнения. Однако власти, безусловно, интересовались умонастроениями граждан. Информация такого рода отслеживалась достаточно регулярно и докладывалась представителям власти – как местной, так и центральной. Сбором информации о

¹ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 3–4.

² Вот лишь некоторые из исследований, посвящённых этой тематике: *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах*. Калининград, 2003; *Односельчане: народная повесть*. Калининград, 2006; *Костяшов Ю.В.* На колхозном собрании. Штрихи к истории заселения Калининградской области в 1946 году // Балтийский альманах. 2006. №6.

настроениях населения занимались в той или иной форме различные государственные и общественные организации, но в первую очередь – партийные органы и специальные подразделения органов внутренних дел и государственной безопасности: для них такого рода деятельность была обязательной и постоянной¹. В фонде обкома партии ГАНИКО сохранились «информации» горкомов и райкомов ВКП(б) «о морально-политическом настроении трудящихся области». «Информации», представляющие собой оперативные сводки, содержали высказывания жителей области по различным вопросам социально-экономического развития области, международного положения СССР, бытовым проблемам. Партийные сводки о настроениях трудящихся являлись периодическим секретным документом.

Вместе с тем в случае организации массовых идеологических акций и кампаний проводился дополнительный «мониторинг». Так, например, в ноябре 1952 г. в Калининградский обком КПСС поступили материалы «о высказываниях трудящихся в связи с опубликованием сообщения ТАСС об аресте группы врачей-вредителей». «Информации» районных и городских партийных организаций строились по единой схеме: в первую очередь – констатация позитивных настроений, идеологической и политической грамотности; затем – «отдельные нетипичные случаи», следствие слабости массово-разъяснительной работы или некомпетентности отдельных служащих государственного аппарата.

«Информация» от 2 февраля 1949 г. констатирует в целом «здоровое политическое настроение» трудящихся Калининграда, отмечая «нетипичное» возмущение рабочих строительных предприятий Ленинградского района: «Мы скоро все сбежим, потому что места не организованы, материалов нет, живём мы плохо, заработная плата низкая, и выдают её нам редко. А к праздникам, как правило, нам не дают зарплаты»². В Черняховском районе в феврале 1949 г. «в основном» царилла благостная картина: «Большинство колхозников твёрдо решили считать новую Калининградскую область своей второй родиной». Одна молодая крестьянка оказалась явно недовольна реалиями колхозной действительности: «Мне 19 лет, я работала в колхозе круглый год, я не

¹ См.: *Зубкова Е.Ю.* Указ. соч. С. 6–8.

² *ГАНИКО.* Ф. 1. Оп. 4. Д. 139. Л. 2.

могла заработать достаточного количества хлеба, чтобы прокормиться. Но ведь я молодая, хочу и обуться, и одеться получше. В колхозе я этого не добьюсь»¹. Сводки фиксировали многочисленные примеры личных трудовых инициатив калининградских селян. В колхозе имени Э. Тельмана колхозница Глазунёнок² говорила: «Мне и моему старику вместе – 136 лет. Вы думаете, мы собираемся сидеть дома? Ничего подобного! Мы уже со стариком придумали свой план. Он будет сторожить, а я буду работать на огороде. Чтобы высвободить на полевые работы здоровых и сильных людей». Колхозница Мохонина, гордясь собственными успехами, не собиралась останавливаться на достигнутом: «На прошлый год подписывала письмо товарищу Сталину. Тогда я очень волновалась. Боялась, что не выполню своего обещания. Сейчас можно сказать, что я вырастила всех 27 телят без всякого отхода, за перевыполнение плана меня премировали одним телёнком. Так как же мне теперь не работать ещё лучше? Спасибо родному Сталину! Труд в нашей стране рождает славу»³. И вновь – «нетипичный случай». На этот раз наряду с «большим трудовым подъёмом масс на преодоление трудностей» информаторы зафиксировали наличие в Черняховском районе «отдельных трусов, паникёров и лжеколхозников». Одним из них был признан шофёр Сысоев, не постеснявшийся заявить: «Там, где я работал раньше, мне платил колхоз жалование. Я думаю и здесь работать за деньги»⁴. Гражданка Наумкина, в прошлом – сотрудник службы учёта, была возмущена тем, что в колхозе ей не подобрали работу по специальности. Калининградский райком ВКП(б) сообщал о том, что в «последнее время» в районе участились слухи о приближении новой войны. «На струнно-бетонном заводе некоторая часть рабочих говорит, что незачем восстанавливать завод, затрачивать средства, так как, наверное, будет война»⁵. Население района предвидело трудности с выездом из пограничной области в случае начала боевых действий.

¹ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 139. Л. 4, 5.

² Здесь и далее некоторые фамилии приводятся без инициалов по причине отсутствия их в тексте документов.

³ Там же. Л. 8, 9.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 15.

«Разоблачительные» кампании, сопутствующие судебным процессам над «врагами народа», предателями, антисоветскими группами и организациями всегда сопровождались широким обсуждением проступков и преступлений подсудимых (осуждённых) не только на страницах прессы, но и на собраниях первичных партийных организаций, трудовых коллективов. Этим обеспечивалась легитимность выносимых судебной властью решений, подчёркивался их нередко более мягкий в сравнении с мнением масс характер. Население, разумеется, было знакомо лишь с официальной версией деятельности подсудимого. Два громких «дела» начала 1950-х гг. – «врачей-вредителей» и Л.П. Берия – не могли не получить резонанса в общественном мнении жителей самой западной области СССР, отдельные высказывания которых тщательно фиксировались партийными информаторами.

«Дело врачей» (1952–1953 гг.) широко обсуждалось на предприятиях, в учреждениях, школах и колхозах области. Только в Балтийском районе Калининграда обсуждению вины и возможного наказания «врачей-отравителей» была посвящена 1501 беседа, в заочном осуждении приняли участие более 6 300 человек¹. Советские люди в целом разделяли позицию государственного обвинения. Предоставим слово очевидцам обсуждения.

«Все 18 человек, присутствовавших на этой беседе (в 13-й школе. – Д.М.), выступили, причём все выступившие требовали высокой меры наказания – расстрела – преступникам». «Общее собрание рабочих и служащих кузнечного цеха с глубоким возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев, требует самого сурового наказания убийцам-предателям, продавшимся за иностранные доллары». Участники митингов и встреч не скрывали своего отношения к подсудимым. «Мне уже 62 года, – говорила Е.П. Иванова (рабочая кузнечного цеха), – а я честно, добросовестно работаю, всегда выполняю и перевыполняю норму и собственным трудом зарабатываю себе на жизнь, а эти мракобесы, людоеды и звери продались злейшим врагам человечества – американо-английским поджигателям войны». Слесарь Н.И. Багров присоединялся к этим нелестным характеристикам: «Подлые изменники Родины, врачи-отравители пойманы. Мы видим из сообщения ТАСС (! – Д.М.), кому они служили. Эти чело-

¹ См.: ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 188. Л. 30.

векообразные звери убили товарищей Жданова и Щербакова, лучших сынов нашей Родины. Продажные люди, выродки “людей науки” оказались агентами поджигателей войны»¹.

Особый интерес присутствовавших на встречах, судя по тексту «информаций», вызвал вопрос о мере наказания, должной быть применённой к «врачам-отравителям». Восприятие подсудимых как врагов народа, покусившихся на советскую (народную) власть, здоровье и жизнь партийных лидеров, приводило к единственному, закономерному варианту – высшей мере наказания, правда, в различном исполнении. «Мастер Карпенко заявила, что она бы этих негодяев казнила самой лютой смертью. Бухгалтер Н. Шаборшин, говоря о гуманности советских законов и правосудия, которые направлены на исправление человека, заявил, что этих врагов он бы всё-таки расстрелял. Мастер Никитина высказала предложение “посадить их в клетки и возить по всем городам и колхозам и показывать бандитов-учёных всем русским людям, как зверей в образе человека”. Мастер Шишкина сказала, что с такими злодеями церемониться нечего, повесить их, а фотокарточки отправить в США»².

В обсуждении «дела врачей» прослеживался и антисемитский след. Член калининградского товарищества художников Самсонов рискнул проявить аналитические способности: «Эти негодяи работали на пользу английской разведки ещё до начала Отечественной войны, и до сих пор их не могли разоблачить, видимо, потому что в самих органах МГБ и сейчас работает много евреев». Некоторые члены калининградского врачебного сообщества, высказывали опасение, что «из-за этих гадов и честные люди страдают»³. В ответ на происки врагов трудящиеся калининградских предприятий давали социалистические обязательства, формулировки некоторых из них весьма любопытны: «Мы никогда не забудем этих злостных злодеяний и отомстим стахановским трудом»; «Ответим врагам повышением революционной бдительности»⁴.

¹ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 188. Л. 1, 12, 13.

² Там же. Л. 44, 45.

³ В тексте документа встречается и другой вариант: «Из-за отдельных сволочей и нам хуже будет» – там же. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 3, 26.

Знаменитый августовский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС подвёл итог кампании по дискредитации Л.П. Берия. «Развенчание» одного из наиболее известных и авторитетных (особенно в среде учёных-атомщиков и сотрудников МГБ) государственных деятелей по традиции (и согласно логике «народной власти») сопровождалось масштабной «массово-разъяснительной работой», итоги которой региональные партийные инстанции отслеживали по «информациям» райкомов и горкомов КПСС¹. Обсуждение «преступных действий» Л.П. Берия проводилось на собраниях партийного актива при Калининградском обкоме партии, на предприятиях и в учреждениях области. Схема обсуждений и подборка цитат в «информациях» из городов и районов области содержали немало типичных моментов: комментарии в адрес официальных публикаций в прессе, выступления активистов и ударников, кандидатов в члены партии, обещания трудиться на благо народа и Родины, бдительности революционную бдительность.

Некоторые высказывания, безусловно, заслуживают цитирования. Крановщик ЦБК Ленинградского района Д. Насевнин пояснял для присутствующих на собрании трудового коллектива суть преступлений экс-министра внутренних дел: «Берия – матёрый враг, он продолжительное время занимался шпионской работой, он пробрался к руководству для того, чтобы нанести нашей ленинско-сталинской² партии и советскому народу вред; но наша партия сильна своим единством, она своевременно сумела разоблачить этого заклятого предателя»³.

На совещании партийного актива области 16 декабря 1953 г. вопрос об «антисоветской подрывной деятельности» Л.П. Берия стал предметом наиболее бурного обсуждения. Присутствовавшие на встрече авторы «информаций» суммировали впечатления от увиденного, сумев передать эмоциональное напряжение участников и колорит подобных мероприятий: «На совещании были зачитаны материалы обвинительного заключения по делу разоблачён-

¹ В ГАНИКО хранятся информационные сводки о беседах, проведённых с июля по декабрь 1953 г.

² Словосочетание «ленинско-сталинской» зачёркнуто в тексте документа красным карандашом. Основания для «вычерка» могли быть различными: от технической ошибки (неточности) самого составителя сводки до начавшейся кампании по выводу партии из сталинской тени.

³ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 140. Л. 2.

ного коварного врага партии и народа, буржуазного перерожденца Берия и его сообщников. В ходе чтения, чем глубже раскрывалась преступная деятельность Берия, тем больше нарастали чувства ненависти к этому изменнику Родины, и в конце чтения эти чувства были выражены возгласами с мест: “Повесить гадину!”, “Расстрелять подлого иуду-предателя”. Особо сильное негодование актива вызвали сообщения о том, что Берия пытался просить пощады и сохранить ему жизнь»¹.

Верный способ побороть врагов страны – прилежно исполнять поручения партии и правительства. Рабочие автогенного завода, «заклеймив позором врага народа Берию и его сторонников...обязались в 1953 году (так в тексте. – Д.М.) дать сверх плана 40 тыс. кубометров кислорода и 10 тыс. кубометров ацетилена»².

Таким образом, информационные сводки партийных органов существенно дополняют сведения об общественном мнении, «настроениях» населения Калининградской области, полученные из интервью первых переселенцев, из периодической печати второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. В то же время «информации» не лишены серьёзных недостатков: данные, представленные в них, фрагментарны, характеризуют лишь те параметры общественного мнения, которые напрямую интересовали власть; этот вид документов субъективен, так как представляет собой по сути отчёт райкомов и горкомов (а следовательно, и секретарей, всей партийной организации) о проведённой работе – организационной, массово-разъяснительной и т.д., в связи с чем количество негативных отзывов, заявлений и реплик, возможно, не соответствовало реальному положению дел.

Об авторе

Манкевич Дмитрий Владимирович – ассистент кафедры истории России РГУ им. И. Канта.

¹ ГАНИКО. Ф. 1. Оп. 13. Д. 140. Л. 236.

² Там же. Л. 249.

Е. Н. Тишакова

Меры администрации Картера в области высшего образования

Благожелательное отношение американских властей к высшей школе имело огромное значение для развития последней в послевоенный период. С 50-х гг. XX в. поощрение развития системы высшего образования стало официальной государственной политикой США.

В 1958 г. президент Д. Эйзенхауэр выступил с законодательной инициативой, в результате которой был принят «Закон об образовании в целях национальной обороны». В 1965 г. по инициативе президента-демократа Л. Джонсона был принят «Закон о высшем образовании», который стал одним из важнейших компонентов построения «государства всеобщего благоденствия». Послевоенное поколение американцев впервые в истории США получило широкий доступ к высшему образованию. Впоследствии президенты не раз подчёркивали значение системы высшего образования и необходимость оказания ей помощи со стороны государства¹. Однако реальность была иной. Так, Р. Никсон и Дж. Форд либо свернули многие из мероприятий в сфере образования, либо урезали финансирование образовательных программ, затронув и высшее образование². В 1976 г. президент-демократ Дж. Картер пообещал реформировать систему образования, включая и высшую школу.

К середине 1970-х гг. в высшем образовании США накопилось немало проблем. Центральная из них – кризис доверия к системе высшего образования в целом, поскольку президенты-республиканцы ставили под сомнение постулат о необходимости ассигнования на него бюджетных денег.

Другой серьёзной проблемой высшего образования США стала его высокая стоимость. В среднем стоимость обучения в вузах за 10 лет (с 1965 по 1975 г.) увеличилась на 77%. В 1976 г. стоимость частного высшего образования составила 4 500 долларов в год, а

¹ См.: Попов А.А. Государство «всеобщего благосостояния»? Мифы и реальности современной Америки. М., 1985. С. 205.

² См.: *New York Times*. 1977. 2 Apr. P. 4.

государственного – 2 500. Большинство семей не могли оплатить обучение детей и вынуждены были обращаться за финансовой помощью к другим источникам. Федеральная помощь малообеспеченным студентам поступала по трём программам: по программе помощи ветеранам, так как большинство ветеранов были из необеспеченных семей; по «Общей федеральной программе социального страхования», предусматривавшей выплаты студентам – выходцам из семей, чей главный доход составляли пособия по системе страхования; по программе «Гранты на получение базового образования». Наибольшая помощь студентам шла через субсидии Пелла: в 1975 г. 1 млн студентов США получали стипендию в размере 800 долларов, в 1976 г. 1,2 млн студентов смогли получать стипендию в размере 1400 долларов¹.

Однако роль высшей школы как социального уравнивателя была весьма ограничена. Несмотря на заявление о равных шансах в получении образования наиболее способных молодых американцев, путь к успеху преграждало социальное происхождение, а семьи с низким и средним годовым доходом с трудом могли позволить себе обучение детей в вузах.

Серьёзной проблемой являлось финансирование высшего образования. Высшая школа в США не могла существовать без государственной поддержки, но основными источниками финансирования вузов были правительства штатов и местных органов. Их доля в бюджете высшей школы выросла с 44% в 1960 г. до 50% в 1975 г. А доля федерального правительства в финансировании высшего образования, не снижавшаяся в период 1960–1970 гг. с 28%, сократилась до 22% к середине 1970-х гг.² Важно отметить, что федеральные субсидии имели целевое назначение и перечислялись на научные исследования и строительство.

Все эти вопросы не оставили равнодушным Дж. Картера. Он был сторонником увеличения федеральной роли в области высшего образования и желал освободить штаты и местные органы власти от чрезмерного финансового бремени. Картер предлагал объединить все стипендии, выплачиваемые студентам по программе «Гранты на получение базового образования», в единый список

¹ *Congressional Records* (далее – CR). 95th Congr., 2nd sess. Vol. 124. 1978. Feb. 28. № 26. S 2513.

² *Ibid.*

выплат и выступал за введение специальных ссуд для американских семей, которые не могли позволить себе полную оплату обучения детей в высших учебных заведениях¹.

Все указанные проблемы Картер планировал преодолеть в течение своего президентства, тем более что в Конгрессе было немало сторонников реформы системы высшего образования. К ним относились председатель сенатской подкомиссии по образованию Клайнборн Пелл, председатель подкомиссии по образованию палаты представителей Джон Брадемас, входивший и в состав комиссии по образованию и труду, председатель подкомиссии по послесреднему образованию палаты представителей Уильям Форд. Сенатора-демократа К. Пелла по праву считали влиятельным политиком в сфере высшего образования: он с 1969 г. занимал пост председателя сенатской подкомиссии по образованию. По его инициативе в 1972 г. была разработана и создана программа «Гранты на получение базового образования». В 1977 г. программа была переименована в его честь и стала называться «субсидии Пелла»². Демократ У. Форд был известен в стране благодаря мнению, что из-за невнимания политиков к высшему образованию американцы разочаровываются в нём, не находя прямых связей между колледжем и хорошей работой³. Демократ Дж. Брадемас работал в комиссии по образованию и труду 18 лет, отвечая за вопросы высшего образования. За это время он сумел заслужить репутацию законодателя, способного аргументированно выражать мысли и прекрасно ориентирующегося в законах. Брадемас также являлся лидером демократического большинства в палате представителей, и это обстоятельство много значило для Картера.

Именно Брадемас 11 февраля 1977 г. выступил перед Национальной ассоциацией независимых колледжей и университетов с обращением, в котором изложил основные направления и тенденции, наметившиеся в послесреднем образовании за последнее время. Он настаивал на усилении роли федерального правительства в государственном и частном высшем образовании, поскольку считал, что только ему под силу преодолеть три основные угрозы: финансовую нестабильность, социальную изоляцию, отсут-

¹ См.: *National Party Platforms*. Urbana, 1978. Vol. 2. P. 927.

² См.: *CR 95th Congr.*, 1st sess. Vol. 123. 1977. Jan. 14. № 7. S 737.

³ См.: *CR 95th Congr.*, 1st sess. Vol. 123. 1977. Sept. 15. № 143. H 9522.

ствие долгосрочного законодательства. Нестабильное финансирование можно преодолеть, если новая администрация «продемонстрирует беспокойство к нуждам студентов, выделяя больше денег на программы помощи». Через увеличение финансирования будет решён вопрос социальной изоляции. Финансовая помощь малоимущим студентам поможет им преодолеть преграду на пути получения высшего образования. Наконец, часть программ «Закона о высшем образовании», изданных в 1965 г. и потерявших свою силу в 1980 г., необходимо пересмотреть, убрав «устаревшие» положения закона и добавив новые, соответствующие реалиям современной жизни¹.

Только в 1978 г. законодательная и исполнительная власти страны смогли заняться проблемой пересмотра «Закона о высшем образовании». Двадцать восьмого февраля Картер направил Конгрессу послание, в котором изложил взгляды на государственные программы образования. Президент предлагал увеличить финансирование программ помощи студентам на 40 % – с 3,8 млрд долларов в 1978 г. до 5,2 млрд долларов в 1979 г. Говоря о помощи студентам колледжей, Картер отметил, что его забота в этом вопросе заключается в расширении программ, обеспечивающих финансовую помощь: «В среднем стоимость колледжа увеличилась за последние 10 лет на 77 %. Для семей с низким и средним доходом стало трудно учить детей в колледжах. Но студент не должен отказываться от образования, если его семья не может оплатить обучение, жильё и питание»². Он предложил Конгрессу увеличить число студентов, получающих помощь, с 3 до 5 млн человек и расширить программу «Гранты на получение базового образования», распространив её и на семьи, чей доход составлял свыше 25000 долларов в год. Одновременно предлагалось увеличить размер стипендии до 1800 долларов. Кроме того, Картер стремился сделать доступной программу «Гарантированные студенческие займы» для семей с ежегодным доходом более 45000 долларов³.

Конгрессмены, ознакомившись с посланием, утвердились во мнении, что президент является сторонником усиления роли государства в области высшего образования и политиком, стремящим-

¹ См.: *CR 95th Congr.*, 1st sess. Vol. 123. 1977. Feb. 23. № 31. E 927–929.

² *CR 95th Congr.*, 2nd sess. Vol. 124. 1978. Feb. 28. № 26. S 2511.

³ См.: *ibid.* S. 2511–2512.

ся путём простого увеличения ассигнований на программы помощи студентам решить все проблемы.

У. Форд, убеждённый, что пересмотреть закон о высшем образовании возможно только во время работы 96-го Конгресса, в сентябре 1978 г. обратился к образовательной общественности, руководству ассоциаций и организаций высшего образования, к администрации с предложением разработать рекомендации, способные улучшить «Закон о высшем образовании»¹. На призыв откликнулся 61 респондент – разнообразные организации, ассоциации, высшие чиновники администрации, конгрессмены. Все рекомендации были классифицированы, разбиты по группам в соответствии с проблемами высшего образования и переведены на законодательный язык, составив 4 тома. Эта работа отняла много времени, и лишь к концу февраля 1979 г. предложения были розданы членам подкомиссии по послесреднему образованию для ознакомления и выработки собственно билля о высшем образовании.

Работа в подкомиссии была хорошо организована У. Фордом, и уже 20 марта 1979 г. начались слушания, которые были сфокусированы на обсуждении ключевых проблем высшего образования. В течение 35 дней было проведено 33 слушания, которые посетили 269 экспертов и профессионалов от высшего образования. В качестве свидетелей в слушаниях участвовали 29 студентов, тесно сотрудничавших с членами подкомиссии. Все полученные сведения были учтены в законопроекте².

Законопроект был почти разработан, и Форд пригласил министра здравоохранения, просвещения и социального обеспечения Дж. Калифано, чтобы он изложил собственные взгляды на реформу. Калифано посетил подкомиссию, но его заявление обескуражило её членов. Министр настаивал на введении «налогового кредита на оплату обучения»³. Предложение министра шло вразрез с концепцией разрабатываемого билля и позицией президента по этому вопросу. Форд настоял, чтобы в администрации всё же обсудили элементы реформирования «Закона о высшем образовании». Свои предложения подкомиссии представила и администрация. В целом они слово в слово подтвердили послание прези-

¹ См.: *CR 96th Congr.*, 1st sess. Vol. 125. 1979. Sept. 6. № 112. H 7441.

² *CR 96th Congr.*, 1st sess. Vol. 125. 1979. Oct. 29. № 149. H 9840.

³ См.: *ibid.* H 9840–9841.

дента Картера: необходимо увеличить федеральное присутствие в финансовой поддержке штатов, не посягая на их независимость; увеличить размер стипендии по программе «Гранты на получение базового образования» до 1800 долларов; разрешить доступ к программе «Гарантированные ссуды студентам» семьям с ежегодным доходом свыше 45000 долларов; 23 июля было принято решение добавить эти рекомендации в билль¹.

Когда работа в подкомиссии подходила к концу, пришло известие, что Картер отправил в отставку ряд «нелояльных» министров, в число которых попал Калифано. Новым министром здравоохранения, просвещения и социального обеспечения была назначена Патриция Харрис.

В начале августа 1979 г. подкомиссия Форда представила на суд общественности законопроект «Образовательные поправки 1979 г.». Следующие изменения нашли отражение в билле: во-первых, были улучшены программы помощи студентам, так как снималось ограничение, согласно которому размер стипендии студента не может превышать половину стоимости обучения. Ограничение снижало размер стипендии студентам с низкими доходами. Кроме того, студенты-вольнослушатели получили право на стипендии и гранты, которых были лишены по «Закону о высшем образовании». Во-вторых, была разработана «программа родительских ссуд», по которой родителям предоставлялись ссуды на оплату обучения их детей в высших учебных заведениях. В билле оговаривалось, что родители могут взять ссуду в размере 3000 долларов в год. Максимальный размер ссуды составлял 15000 долларов на одного студента, а процентная ставка – 7%. Чтобы облегчить положение родителей, Ассоциация по предоставлению студенческих ссуд увеличила срок выплаты по взятым ссудам до 20 лет. Составители билля считали, что переориентация на родителей студентов в вопросе предоставления кредитов на обучение снизит процент невыполненных денежных обязательств.

Разработанный законопроект поддержали авторитетные в области высшего образования организации и ассоциации – Американская ассоциация государственных колледжей и университетов, Американский совет по образованию, Ассоциация американских университетов, Национальная ассоциация просвещения, Нацио-

¹ CR 96th Congr., 1st sess. Vol. 125. 1979. Sept. 6. № 112. H 7442.

нальный совет высшего образования по программам суд, Ассоциация студентов США¹.

Шестого сентября 1979 г. Форд представил билль на рассмотрение комиссии по образованию и труду палаты представителей. В администрации не беспокоились, так как заранее было известно, что председатель комиссии демократ Карл Пэркинс заинтересован в быстром прохождении законопроекта. Он считал его «самым лучшим биллем по высшему образованию» и полагал, что поддержка студентов через специально разработанные программы помощи – тот канал, по которому деньги напрямую поступят в сектор высшего образования и поддержат нуждающихся². Обсуждение законопроекта комиссией Пэркинса заняло пять дней. Основные изменения пришлись на программы стипендий и программы помощи студентам. Члены комиссии предложили увеличить максимальный размер грантов на получение базового образования с 1800 долларов в 1980 г. до 2700 долларов в 1985 г. Данное изменение было вызвано стремлением облегчить финансовое бремя студентов, чтобы последние получали стипендию, на 75% покрывающую их расходы по оплате за обучение. Члены комиссии одобрили создание программы «родительских ссуд», но снизили срок выплаты ссуд с 20 до 10 лет³.

Внесённые изменения улучшили билль, но предварительная стоимость законопроекта вызывала сомнение в комиссии: к 1985 г. общие расходы, выделяемые государством на программы помощи студентам, могли превысить 11 млрд долларов. Члены комиссии по образованию и труду заявили, что «оценка бюджетного управления – это всего лишь предположение. Слишком часто в прошлом оценка расходов по программам помощи студентам была неправильной, и точная сумма не известна никому»⁴.

В процесс обсуждения вмешалась администрация Картера. Министр П. Харрис считала билль слишком дорогостоящим и в письме к У. Форду выражала беспокойство, что годовая стоимость программы «Гранты на получение базового образования» будет равна 2 млрд долларов. Это не входило в интересы феде-

¹ См.: *ibid.* Н 7443.

² См.: *CR 96th Congr.*, 1st sess. Vol. 125. 1979. Oct. 29. № 149. Н 9845.

³ См.: *ibid.* Н 9844.

⁴ См.: *Congressional Quarterly Almanac*. W., 1980. P. 495.

рального правительства, которое теперь было ориентировано на финансовый консерватизм и достижение сбалансированного бюджета к 1980 г. Президент придерживался аналогичного мнения. Его взгляды изменились кардинальным образом с того момента, когда он направил Конгрессу послание в феврале 1978 г. Теперь его «политическим кредо» стала экономия государственных расходов. Явно под давлением со стороны бюджетного управления Конгресса Картер предложил существенные сокращения в финансировании образования. Он рекомендовал Конгрессу на 156 млн долларов сократить ассигнования на программы стипендий и на 94 млн – на программу ссуд студентам, выделяемых государством на оплату обучения¹. И хотя в июле 1979 г. президент говорил о своём намерении увеличить размер грантов на получение базового образования до 1800 долларов, предложение комиссии по образованию и труду увеличить её до 2700 долларов к 1985 г. было воспринято им «в штыки»².

Несмотря на возражения администрации и президента, комиссия по образованию и труду 26 сентября единодушно проголосовала за принятые поправки, и роль федерального правительства в поддержке высшего образования стала более ощутимой. Эксперты полагали, что теперь 95% всего федерального финансирования, выделяемого на нужды послесреднего образования, будет направлено непосредственно студентам.

Палата представителей обсуждала «Образовательные поправки 1979 г.» три дня – 29 октября, 2 и 7 ноября. Законопроект был одобрен абсолютным большинством голосов (385 – «за», 15 – «против») после принятия серии поправок, сокративших его первоначальную стоимость³.

Противники билля утверждали, что необходимо сократить смету расходов на программу «Гранты на получение базового образования». Республиканец Р. Майкл предложил в своей поправке сократить предполагаемое финансирование на 818 млн долларов. Поправка была бы принята, если бы в дело не вмешались Дж. Бьюкенен и У. Форд. Они предложили сократить сумму на 650 млн долларов. Оставшаяся сумма на 70% покрывала расходы сту-

¹ См.: CR 96th Congr., 1st sess. Vol. 125. 1979. Jan. 24. № 6. Н 233.

² См.: *Congressional Quarterly Almanac*... P. 28.

³ См.: CR 96th Congr., 1st sess. Vol. 125. 1979. Oct. 29. № 149. Н 9851.

дентов на оплату обучения, а максимальный размер грантов на получение базового образования в новом варианте составил не 2700 долларов, а 2520. Оправдывая свой поступок, Бьюкенен заявил: «Мы согласились пойти навстречу консервативным настроениям, имевшим место в Конгрессе, решившись [лучше] на пересмотр своих взглядов и стремлений, чем на риск потерять всё»¹.

В окончательном варианте программа «Гранты на получение базового образования» гарантировала постепенно увеличивающийся ежегодный лимит оплаты обучения в течение ближайших 5 лет, с 1980 по 1985 г., с тем, чтобы в 1986 г. он составил 75%:

- 1) в 1981/82 уч. г. лимит оплаты обучения составит 55%, а максимальный размер стипендии – 1980 долларов;
- 2) в 1982/83 уч. г. – 60% и 2160 долларов соответственно;
- 3) в 1983/84 уч. г. – 65% и 2340 долларов соответственно;
- 4) в 1984/85 уч. г. – 70% и 2520 долларов соответственно².

Программа «Гарантированная ссуда родителям студентов» также была одобрена. Родители могли получать в банках ссуду на оплату обучения. Её минимальный размер составлял 3000 долларов, а максимальный – 15000 долларов³. Острый спор в палате представителей возник вокруг вопросов, связанных с размером процентных ставок, на основании которых выдавались ссуды на образование. Здесь мнения разделились: половина конгрессменов выступала за 5%-ный размер, другая половина – за 7%-ный. Конгрессмены, лоббирующие интересы высшего образования, советовали членам палаты представителей изменить размер до 7%. В итоге конгрессмены единогласно согласились с этим⁴.

Голосование в палате представителей по «Образовательным поправкам 1979 г.» прошло 7 ноября 1979 г. Оно отразило политическую популярность федеральных программ помощи студентам⁵. Конгрессмены одобрили новые программы, которые расширили действие «Закона о высшем образовании» и значительно увеличивали сумму федеральной помощи студентам. Несмотря на то что стоимость билля была сокращена, на 50 % был увеличен размер грантов на получение базового образования.

¹ *Congressional Quarterly Almanac...* P. 495–496.

² См. *ibid.* P. 496.

³ См. *ibid.* P. 497.

⁴ См. *ibid.* P. 29.

⁵ См. *ibid.* P. 494.

Президент не был доволен тем вариантом, который одобрила палата представителей. Его не устроила стоимость билля. Но оппозиция администрации в отношении билля была слабой, а значительное влияние лобби высшего образования убедили Картера не настаивать на доработке финансовой части законопроекта.

Сенат отложил рассмотрение законопроекта «Образовательные поправки 1979 г.» до июня 1980 г. Проект изначально вызывал возражения у сенаторов-демократов Э. Кеннеди и Г. Беллмана, недовольных программами «Гарантированные студенческие займы» и «Национальная прямая студенческая ссуда»¹. Билль долго рассматривался в сенатской подкомиссии по труду и людским ресурсам. Неспешность обсуждения была связана с выборами в Конгресс – сенаторы были заняты своим переизбранием, уделяя мало внимания непосредственным обязанностям. Лишь 15 июня 1980 г. подкомиссия одобрила билль без особых изменений и направила его на рассмотрение в сенат². Многие политологи были убеждены, что в сенате развернется борьба вокруг «Образовательных поправок 1979 г.», тем более что Кеннеди и Беллман сами говорили об этом. Но всё вышло по-другому. Сенаторы считали, что лучше принять вариант, предложенный палатой представителей, и получить в этом же году закон о высшем образовании, чем втянуться в дебаты и остаться без закона. Сенат принял законопроект 24 июня большинством голосов³.

Успешное принятие билля было связано с многочисленностью его сторонников в Конгрессе и поддержкой американской общественностью, которые понимали историческую необходимость пересмотра устаревших программ в области высшего образования. Заслуга президента была в том, что он сумел воодушевить лидеров Конгресса на пересмотр закона. Конечно, не всё в принятом законе его устроило, в частности размер стипендий и стоимость программ высшего образования, но в целом Картер остался доволен, что именно в его президентство был пересмотрен «Закон о высшем образовании». Принятый билль увеличил бюджетную помощь студентам и расширил федеральные программы в области высшего образования. Был облегчен доступ студентов к получе-

¹ См.: *U. S. News and World Report*. 1979. Nov. 8. P. 13.

² См.: *CR 96th Congr.*, 2nd sess. Vol. 126. 1980. June 15. № 97. S 7961–1974.

³ *CR 96th Congr.*, 2nd sess. Vol. 126. 1980. June 24. № 105. S 8032–8034.

нию ссуд на оплату обучения, принята программа «Гарантированная ссуда родителям студентов», позволившая семьям с небольшим достатком обучать детей в вузах страны. Правительство предоставило студентам право получать ссуды под низкие проценты в частных банках. Оно брало на себя обязательства – выдавало банкам гарантию выплаты займов и бремя выплат по процентам, составляющим разницу между процентными ставками, гарантированными правительством для студенческих займов, и рыночными ставками ссудного процента. Так, в 1981 г. правительство гарантировало займы студентам под 7%, когда рыночные процентные ставки достигали 20% и выше. Также возросло количество студентов, которые получили право на участие в программе «Гранты на получение базового образования».

Об авторе

Тишакова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

Раздел 3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ВЕК XX

М. А. Манкевич

Августинас Вольдемарас и литовско-польское противостояние

Августинас Вольдемарас¹ – одна из самых значительных и противоречивых фигур в политической истории Литвы межвоен-

¹ А. Вольдемарас (1883–1942) окончил в 1909 г. историко-филологический факультет Петербургского университета. Работал доцентом Петербургского, а затем профессором Пермского университета. Владел многими иностранными языками – английским, французским, немецким, итальянским и польским, не считая латыни и греческого. Будучи одним из основателей литовской партии национального прогресса «Пажанга», в 1918 г. он вошёл в состав временного правительства независимой Литвы – Тарибу, а с ноября по декабрь руководил первым кабинетом министров. Будучи министром иностранных дел, А. Вольдемарас возглавил литовскую делегацию на Парижской мирной конференции. Однако в 1920 г. он провалился на выборах в Учредительный сейм и временно отошёл от политической деятельности. В результате государственного переворота 17 декабря 1926 г. А. Вольдемарас снова пришёл к власти, став одновременно премьер-министром и министром иностранных дел Литвы, в 1928–1929 гг. также занимая пост министра обороны. Позже из-за разногласий с президентом А. Сметоной был выведен из состава правительства, эмигрировал во Францию. После возвращения на родину летом 1940 г. был арестован большевиками, умер в тюрьме.

ного периода. Он сыграл колоссальную роль в борьбе Литвы за независимость и как политик, и как публицист. Вернувшись в 1920 г. на родину из-за границы, где он отстаивал право Литвы на независимость перед лицом великих держав, первый премьер-министр суверенной Литвы заявил: «В мире никто не знает, что такое Литва, но все знают, кто такой Вольдемарас»¹.

На протяжении всех периодов своей жизни, находясь во власти или в оппозиции к ней, профессор А. Вольдемарас не переставал осмысливать события, происходящие в общественно-политической жизни своего и соседних государств. Сочинения профессора вызывали и продолжают вызывать интерес у его соотечественников. В 1973 и 1983 гг. (к девяносто- и столетию со дня рождения неординарного литовца) в Чикаго были изданы собрания сочинений профессора А. Вольдемара, посвящённые различным проблемам политической, социальной и культурной жизни литовского государства². В их числе были работы, анализирующие литовско-польские взаимоотношения и корни «вильнюсского вопроса»: «Литва и Польша» (1920 г.); «Российско-литовско-польские отношения» (1920 г.); «С Вильнюсом или без Вильнюса?» (1925 г.); «Мы без Вильнюса не успокоимся!» (1929 г.).

Эти работы интересны для исследователя в нескольких отношениях. Во-первых, А. Вольдемарас был одним из активнейших участников процессов, которым он посвящает свои сочинения. Во-вторых, субъективность, присущая авторам любых публицистических сочинений, с лихвой компенсируется широтой и многогранностью панорамы событий и мнений, которую удалось нарисовать профессору. И, в-третьих, одним из излюбленных приёмов автора является цитирование источников – прессы, а также международных документов.

Звёздными периодами деятельности А. Вольдемара были 1918–1920 гг. – время руководства литовской делегацией на Парижской мирной конференции, а также 1926–1929 гг. – деятельность во главе МИДа Литвы и активное участие в заседаниях Совета Лиги Наций. В то сложное для Литвы время не существовало

¹ *Valiušaitis V. Augustinas Voldemaras // Verslo žinios. 2008. Nr. 158. P. 15–17. URL: <<http://www.urm.lt/index.php?415304638>>.*

² *Profesorius Augustinas Voldemaras Raštai. Chicago, 1973; Profesorius Augustinas Voldemaras Raštai. Chicago, 1983.*

второго такого политика, который был в состоянии с трибуны Лиги Наций дискутировать с представителями великих держав. По словам историка Ю. Скирюса, «феноменальная память и непобедимое мастерство дискуссий [А. Вольдемараса] были самыми необходимыми преимуществами на первом этапе создания литовского государства»¹.

Необходимо отметить, что изначально литовцы как самостоятельная делегация не были приглашены на конференцию в Париж. Именно А. Вольдемарас взял на себя смелость заявить о правах своей страны и завязать переписку с председателем мирной конференции Ж. Клемансо. В своей ноте от 16 февраля 1919 г. литовский министр иностранных дел горячо выступал за включение литовской делегации в состав участников Версаля, а также очерчивал государственные интересы страны относительно спорной территории вокруг Вильнюса: «Мирная конференция начала свою работу без литовских участников, в то время как представители Польши были членами этой конференции. Участие в работе конференции польских делегатов Минска и Вильнюса подчёркивает ложную идею, что польская граница уже фиксирована и что эти города являются территорией Польши. Отсутствие литовских делегатов на конференции производит неприятное, удручающее впечатление на всю Литву и угрожает увеличить разногласия, характерные для литовско-польских отношений». Также А. Вольдемарас апеллировал к тому, что «Литва, как и Польша, сражалась за союзников на Восточном фронте. Она отдала русской армии цвет своей молодёжи. В сентябре 1914 г. регулярные литовские войска вошли на территорию Восточной Пруссии и таким образом отдалили немецкую угрозу от Парижа»².

Необходимо отметить, что всю переписку с руководством мирной конференции литовский министр иностранных дел вёл самостоятельно, тексты всех обращений и нот писал сам, лишь изредка отдавая на редактуру проживавшему в Париже поэту Оскару Милошу, который позже стал первым посланником Литвы во

¹ *Valiušaitis V.* Op. cit.

² *Note de M. A. Voldemar, Président du Conseil et Ministre des Affaires étrangères de Lithuanie, à Son Excellence M. Georges Clemenceau, Président de la Conférence de la Paix // Conflit Polono-Lithuanien, Question de Vilna 1918–1924. République de Lithuanie. Ministère des Affaires étrangères. Kaunas, 1924. P. 4.*

Франции¹. Кроме того, молодой политик не жалел и собственных денег для нужд литовской делегации. Тем не менее его коллеги оставались недовольны излишней самостоятельностью этого амбициозного тридцатипятилетнего политика. Литовская исследовательница А. Гайгалайте приводит сведения о том, что остальные члены литовской делегации с трудом выносили А. Вольдемараса, а его собственный заместитель Т. Нарушявичус за глаза называл начальника не иначе как «автократическим самодуром»².

Наряду с активным участием в дебатах в Париже, А. Вольдемарас не переставал анализировать историческое прошлое своего народа и причины, приведшие к конфликту со Второй Речью Посполитой. В своих работах профессор пытался разобраться в сущности литовско-польского спора, указывая на то, что все вокруг говорят о нём, но мало кто правильно понимает природу этого противостояния. А. Вольдемарас считал подобный недостаток понимания следствием того, что после включения литовских территорий в состав Российской империи литовский вопрос как международная проблема практически прекратил своё существование. На протяжении всего XIX в., и особенно после неудачи восстания 1863 г., он рассматривался или как неотъемлемая часть польского вопроса, или как проблема внутренней политики Российской империи. И лишь благодаря Первой мировой войне оба вопроса – польский и литовский – снова стали предметом обсуждения международной общественности³.

Спор Литвы и Польши, по мнению профессора, во многом был спровоцирован политикой Германии. Как литовцы, так и поляки в большинстве своём отлично понимали, что литовско-польское противостояние выгодно немцам. Летом 1918 г. с обеих сторон были попытки убрать барьер, разделяющий две эти нации. Руководство Литвы распорядилось признать и уважать права польского национального меньшинства в Литве. Польша со своей стороны отказалась от Вильнюса и пообещала прекратить антилитовскую пропаганду в Литве. Однако несколькими неделями позже власти Польши неожиданно пошли на переговоры с Германией с

¹ См.: *Valiušaitis V.* Op. cit.

² *Gaigalaitė A.* Lietuva Paryžiuje 1919 metais. Kaunas, 1999. P. 215.

³ См.: *Voldemaras A.* Lietuva ir Lenkija // Profesoriaus Augustinas Voldemaras Raštai. P. 195.

целью заполучить Вильнюс и несколько других литовских районов¹.

Рассуждая о своих политических противниках – членах Польского национального комитета, представлявших интересы своей страны в Париже, – профессор пытался дискредитировать лидеров этой структуры – Романа Дмовского, Эразма Пилтца и графа Маврикия Замоиского. А. Вольдемарас обвинял их в заискивании перед Николаем II в прежние времена, цитируя письмо российскому императору, в котором польские деятели выражали надежду, что «великий Император достигнет славного и бессмертного титула “Славянского освободителя”, как его дедушка заслужил титул “Народный Освободитель”»².

После ухода с политической сцены в 1920 г. А. Вольдемарас продолжал пристально следить за противостоянием Литвы и Польши. Летом 1925 г. была напечатана его статья по вопросам внешней политики «С Вильнюсом или без Вильнюса?». Профессор писал о том, что в печати и в литовском обществе по сей день продолжают споры о том, «с кем нам идти – с союзниками, немцами или русскими?». Он указывал на то, что среди литовского общества нет единства в вопросах внешнеполитической программы. Официальная позиция правительства Литвы традиционна – независимая Литва с Вильнюсом и Гродно, которые позволят ей оставаться самостоятельной политически и экономически. Вместе с тем Вольдемарас описывал, как «в верхах не хотели Вильнюса, кто и как отрекался от него, получив взамен Клайпеду и мечтая в будущем заполучить с помощью польско-французского Тильзита и другие местности Малой Литвы»³. Сам профессор считал, что естественным союзником Литвы в противостоянии с Польшей является Россия: «Кто не хочет отречься от Вильнюса, тот должен искать договора с Москвой».

В 1926 г. А. Вольдемарас снова стал премьер-министром. Одновременно с руководством Министерством иностранных дел ему удалось активизировать внешнюю политику Литвы. Даже апологет А. Сметоны, его биограф А. Меркялис, признаёт, что Вольде-

¹ См.: *Voldemaras A. Lietuva ir Lenkija.* P. 218.

² *Ibid.* P. 196.

³ *Voldemaras A. Su Vilniūm ar be Vilniaus? // Profesorius Augustinas Voldemaras Raštai.* P. 558–559.

марас «был одним из самых деятельных министров иностранных дел»¹. Главными внешнеполитическими достижениями профессора за 33 месяца активной деятельности (декабрь 1926 г. – сентябрь 1929 г.) стали: подписание конкордата с Ватиканом (1927 г.), возобновление литовско-польского спора из-за Вильнюса в Лиге Наций (1927 г.), подписание договора с Германией, признавший Клайпедский район за Литвой (1928 г.), включая несколько выгодных для Литвы экономических соглашений, заключение торгового договора с Англией (1928 г.). Автор фундаментального труда по истории литовской дипломатии В. Жалис называет это время «эрой профессора Августинаса Вольдемараса»².

Возобновление литовско-польского спора в Лиге Наций стало, с одной стороны, результатом объективных обстоятельств, а с другой – находчивости и чувствования ситуации министром иностранных дел Литвы. В начале 1927 г. международное сообщество предприняло попытку установить дипломатические отношения между Польшей и Литвой, членами Лиги Наций, находившимися на тот момент в состоянии войны. Такое положение противоречило уставу Лиги, в котором сохранение мира провозглашалось основной задачей.

В феврале 1927 г. посланники Великобритании, Франции и Италии в Каунасе направили премьер-министру А. Вольдемарасу ноту, в которой настоятельно рекомендовали начать переговоры с Польшей и установить с ней нормальные дипломатические отношения. В ответе литовской стороны дипломатам было отмечено, что Литва может признать Польшу *de jure*, если так сделает и Польша в отношении Литвы. Но основной темой ответа был вопрос о Вильнюсе. Профессор разъяснил коллегам, что «с этого [Вильнюса] нужно начинать, желая, чтобы вопрос литовско-польских отношений пришёл бы к решению, в котором он нуждается»³. В декларации правительства от 25 февраля 1927 г.

¹ Цит. по: *Valiušaitis V.* Op. cit.

² *Žalys V.* Lietuvos diplomatijos istorija (1925–1940). Vilnius, 2006. T. 1. P. 209.

³ *Vilkelis G.* Lietuvos ir Lenkijos santykiai Tautų Sąjungoje. Vilnius, 2006. P. 153.

А. Вольдемарас повторил один из своих политических постулатов: «Литва должна быть независима и со столицей в Вильнюсе»¹.

Именно в таком ключе премьер-министр Литвы вёл переговоры с великими державами и Польшей в течение всего 1927 г. Апогеем этого процесса стало участие А. Вольдемараса наряду с Ю. Пилсудским в декабрьском заседании Совета Лиги Наций. В результате Совет 10 декабря издал резолюцию по литовскому вопросу, рекомендовавшую сторонам перейти к двусторонним переговорам без посредников. После возвращения премьер-министра в Каунас президент Литвы А. Сметона восхищался своим коллегой от всего сердца: «Чтобы мы делали, если бы у нас не было профессора Вольдемараса? Кто же другой сумел бы так смело и хорошо отстаивать наши дела?»². В ходе двусторонних переговоров в Кёнигсберге 1928 г. А. Вольдемарасу удалось воздержаться от компромиссов с поляками и оставить вопрос о Вильнюсе на повестке дня.

Осмысливая значение этой проблемы для Литвы, профессор говорил: «Вильнюсский вопрос является проблемой всей Литвы, если хотите, её трагедией. Сегодня перед Литвой стоит проблема: будет ли Вильнюс или нет, и тем самым – будет ли Литва или нет. Вильнюс и Литва являются объектом переговоров для немцев и поляков. Если для соседей он только объект, то для нас – вопрос жизни»³. Премьер-министр считал важной задачей воспитание патриотизма у молодёжи: от её позиции впоследствии будет зависеть решение вопроса о Вильнюсе.

Оценивая на закате своей политической карьеры политику Литвы в отношении Польши, Вольдемарас признавал, что было сделано много ошибок: бесчисленные переговоры по техническим вопросам (о сплаве леса, сообщении, телеграфе) привели к тому, что жизненный вопрос стал техническим. Литовский премьер-министр надеялся, что европейские страны, разрешив основные проблемы на Западе, захотят стабилизировать ситуацию и на Востоке. Полагая, что опасность для Литвы исходит не извне, а из

¹ *Bukaitė V. Augustinas Voldemaras bei Juzefas Pilsudskis Tautų Sąjungoje: politikų ambicijos ir realybė // Voruta. 2002. № 6-7. URL: <<http://www.voruta.lt/article.php/article=107>>.*

² *Ibid.*

³ *Voldemaras A. Mes be Vilniaus nenurimsim! // Profesorius Augustinas Voldemaras Raštai. P. 132.*

нутри, он утверждал, что во внешней политике не должно быть колебаний и разногласий. Вольдемарас говорил: «Если в прошлом это создало трагедию, наш долг смотреть, чтобы в будущем это же самое не произвело бы новую трагедию»¹.

Об авторе

Манкевич Мария Анатольевна – аспирантка кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

А.А. Кириленко

Гельмут Коль и проблема германо-германских отношений

После распада социал-либеральной коалиции федерального канцлера Гельмута Шмидта 17 сентября 1982 г. начались переговоры между Свободной демократической партией и Христианско-демократическим союзом. В результате Гельмут Коль был избран федеральным канцлером ФРГ 1 октября 1982 г. в ходе первого в истории бундестага удавшегося конструктивного вотума недоверия действующему главе правительства. Хронологические рамки статьи охватывают начальный период правления Гельмута Коля, когда в германской политике ФРГ произошли определённые перемены, благодаря которым и стало возможным последующее объединение Германии. С возвращением к власти коалиции ХДС/ХСС начались изменения во внешней политике ФРГ, особенно в отношении социалистических государств. Необходимо отметить, что существенного поворота в отношениях Федеративной Республики с ГДР всё же не произошло; новое правительство стремилось по возможности сохранить результаты германской восточной политики в период разрядки. Пожалуй, стоит отметить только больший прагматизм, а порой и жёсткость нового федерального канцлера в отношениях с восточным соседом.

¹ *Voldemaras A. Mes be Vilniaus nenurimsim!..* P. 133.

Оказание ГДР финансовой, экономической, технологической и других видов помощи стало всё чаще обуславливаться требованиями к ней идти на уступки в политической сфере. Хотя делалось это в завуалированной форме, настойчивость Бонна стала приносить результаты. Известный немецкий историк Вернер Мазер, исследуя политическую деятельность Гельмута Коля, писал: «С приходом Коля к власти как в ФРГ, так и в ГДР возобновилось обсуждение вопроса о единой Германии. Патриотическая страстность канцлера, его сентиментальное отношение к Берлину и активные выступления по германскому вопросу способствовали пробуждению чувства принадлежности к одной нации у всех немцев не только в ФРГ»¹. Нельзя разделить целиком это мнение Мазера: ещё до прихода к власти кабинета Коля обсуждение данного вопроса как в обществе, так и на политической арене предприняли В. Брандт и Г. Шмидт.

Первоначально будущий канцлер «германского единства» не проявлял особой активности в вопросах внешней политики. Это объяснялось тем, что в новой правительственной коалиции за них отвечал Ганс-Дитрих Геншер, занимавший пост министра иностранных дел ещё с 1974 г. Коль не мог конкурировать в этих вопросах с умудрённым опытом Геншером. Стоит отметить, что лидер свободных демократов отстаивал фундаментальные основы «новой восточной политики», в рамках которой германское объединение рассматривалось исключительно как отдалённое во времени. Поэтому глава МИДа ФРГ не стремился к актуализации германского вопроса, опасаясь неблагоприятных выпадов со стороны руководства СССР и возможного недовольства соседей. Однако его роль в германо-германской политике была невелика. Как пишет германский историк Кристиан Хакке, новый канцлер «не был космополитом, внешняя политика не являлась его страстью. Хотя Гельмут Коль демонстрировал весьма незначительный интерес к внешнеполитическим темам, он обладал хорошим чутьём в вопросах фундаментальных интересов ФРГ»².

Следует отметить, что в западном направлении внешняя политика Коля следовала традиции Конрада Аденауэра, ориентиро-

¹ Мазер В. Гельмут Коль. М., 1993. С. 193–194.

² Hacke C. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Weltmacht wider Willen? Berlin, 1997. S. 281.

вавшегося на тесное сотрудничество с США и другими партнёрами по НАТО. Что касается политики по отношению ГДР, то здесь канцлер продолжил линию СДПГ / СвДП, приспособив её к современным реалиям. К тому же она не являлась прерогативой МИДа, а находилась в непосредственном подчинении Министерства по внутригерманским отношениям. Западная Германия не рассматривала Восточную Германию как отдельное государство и не желала строить отношения с ней через МИД, тем самым подчёркивая особый характер двусторонних отношений между ФРГ и ГДР. Стоит отметить, что это министерство¹ было создано для решения общегерманских вопросов в связи с расколом Германии. Российский историк А. Филитов пишет: «В отличие от правительства Аденауэра, правительство Коля национальные интересы поставило выше узкопартийных (и, кстати, тоже на этом выигрывало выборы), продемонстрировав по отношению к лидерам ГДР коварную тактику в духе девиза “цель оправдывает средства”». Руководство ГДР явно ошиблось, считая Коля копией Аденауэра в его германской политике². Хакке же полагает, что возврат к внешнеполитическим установкам Конрада Аденауэра облегчал связи с Западом, но в отношении с восточноевропейскими государствами, где требовалось действовать в рамках политики разрядки, у ХДС/ХСС опыта не было, следовательно, его ещё надо было нарабатывать³.

Благодаря тому, что в самом начале своего канцлерства Гельмут Коль не раз заявлял о приверженности своего кабинета заключённым ранее договорам и соглашениям и недопущении каких-либо попыток их пересмотра или отказа от них, были созданы условия для диалога с социалистическими странами. Особое место здесь заняла политика в отношении ГДР, так как подобные заявления канцлера были явно на руку СЕПГ, которая всё больше становилась заинтересованной в расширении контактов с Федеративной Республикой.

Однако прозвучали и новые ноты. В отличие от коалиции СДПГ / СвДП, федеральный канцлер и его команда вновь ввели в

¹ С 1949 г. оно называлось Министерством по общегерманским вопросам, с октября 1969 г. – Министерством по внутригерманским вопросам.

² *Филитов А.М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. М., 1993. С. 211.

³ *Hacke C.* Op. cit. S. 303.

оборот тезис об «открытости германского вопроса в правовом значении». Этим они продемонстрировали своё особое видение путей решения германской проблемы, так как утверждали, что заключённые восточные договоры не закрывали и не решали германский вопрос. Это сразу обеспечило германской политике возможность выхода на новый уровень понимания и содержания, а главное – она становилась наступательной, хотя отнюдь не реакционной или реваншистской, что проявилось в назначении на пост министра по внутригерманским отношениям Райнера Барцеля, который был решительным сторонником воссоединения Германии и противником «восточной политики» Вилли Брандта в бундестаге.

Основополагающим документом для Гельмута Коля в вопросе реализации его германской политики стала Программа принципов, принятая на 26 съезде ХДС, состоявшемся 23–25 октября 1978 г. в Людвигсхафене. В этой программе говорилось, что воля к миру, свободе и взаимопониманию между народами является основой германской и внешней политики ФРГ. Главной своей целью партия ХДС считала преодоление раскола Германии, достижение свободы и единства для всего немецкого народа. При этом разъяснялось, что данные перемены возможны только в условиях мира. Также партия брала на себя ответственность за поддержание во всех частях Германии национального стремления к единому отечеству, проведение переговоров и достижение договорённостей, которые будут способствовать улучшению жизненных условий и положения с правами человека в разделённой Германии и станут фундаментом будущего единства. В Программе принципов говорилось, что все договоры ФРГ с ГДР являются обязательными, а Берлин – столица всей Германии.

Изменения в политике ХДС / ХСС по отношению к ГДР произошли ещё в годы их нахождения в оппозиции. Они означали, что расширение контактов между Западной и Восточной Германиями, начатое при социал-демократах, продолжится и, как они надеялись, позволит в перспективе привести к объединению Германии. Б.В. Петелин указывает, что «в политической, общественной жизни, в средствах массовой информации Западной Германии проблема нации, национального и государственного единства, германский вопрос в тех или иных трактовках постоянно оказывался в центре внимания. В тех федеральных землях, где у власти

находились ХДС / ХСС, германский вопрос оставался в школьном преподавании и политическом просвещении»¹.

Необходимо отметить, что незадолго до смены политической власти в ФРГ широкий резонанс вызвало большое интервью главы западногерманского представительства в ГДР Гюнтера Гауса (1974–1981 гг.) газете «Ди цайт», которое он дал в начале 1981 г. по случаю оставления им занимаемого поста. Гаус поделился с журналистами своими взглядами на ГДР и на развитие германо-германских отношений. Среди прочего он заявил, что за время пребывания на своем посту «узнал ГДР лучше, чем любое другое государство на свете»; для него «ГДР стала ещё более суверенным государством». Также Гаус говорил о «необходимости избавиться от предубеждений и стереотипов насчет ГДР, которые имеют место в Западной Германии». «Мы должны исходить из факта наличия двух независимых германских государств, только тогда мы сможем смягчить эти трагические для нас последствия. Но я ещё раз хочу подчеркнуть, что мы до сих пор в глубине души не признали факта существования ГДР». В продолжение он заявил: «Мы должны прекратить рассматривать ГДР только в качестве полицейского государства, тем самым мы только ухудшаем наши отношения с ней. Наши проблемы с ГДР начинаются прежде всего в нас самих». Он акцентировал внимание на том, что существование двух германских государств является долговременным фактором, и осудил тех на Западе, которые еще не смирились с этим. По его мнению, стоит как можно реже обращаться к понятию «нации», иначе «появится риск вновь ввязаться в бой с тенью»².

Интервью Гюнтера Гауса было встречено в Федеративной Республике неоднозначно. Спустя короткое время в той же газете историки Карл-Хайнц Янсен и Генрих Винклер опубликовали свои статьи, в которых они отреагировали на это выступление. Янсен в статье «Немецкое единство – долгие вздохи?» писал, что «политики в Бонне ежедневно сетуют на то, что их тяжелый труд не оставляет им времени на размышления. По всей видимости, им не хватает времени также и на чтение. Как иначе можно объяс-

¹ Петелин Б.В. Германская политика канцлера Гельмута Коля. 1982–1990. Вологда, 2004. С. 23.

² Gaus G. Die Elbe — ein deutscher Strom, nicht Deutschlands Grenze // Die Zeit. 1981. Jan. 30. Nr. 06. S. 3, 4, 26.

нить поспешные выступления правительства и партий по поводу интервью Гауса? Граждане ФРГ поняли, будто он упраздняет немецкую нацию и закрепляет навечно деление народа. Хотя он всего лишь хотел наполнить понятие “единство нации” реальным содержанием. Сейчас понятие “нация” часто служит инструментом партийной политики. Однако на вопрос, что такое Германия, сейчас так же трудно дать ответ, как и во времена Гёте и Шиллера¹. Х. Винклер в статье «Нация – да, национальное государство – нет» писал, что «объединение Германии рассматривается двумя сверхдержавами, США и Советским Союзом, как большая угроза. Но даже если бы они были на это согласны, то наши соседи были бы не готовы к этому. Воссоединение Германии как национально-го государства не является реальной политической целью. Но внутреннее признание ГДР, которого требуют от ФРГ Гюнтер Гаус и Ганс Моммзен»², окажет положительное влияние на развитие двусторонних отношений между ФРГ и ГДР.

В своих статьях западногерманские историки попытались объяснить понятие немецкой нации и культурно-исторические и международные факторы, влиявшие на разделение немецкого народа. Тем самым они косвенно вставали на сторону бывшего представителя ФРГ в ГДР. Политики из ХДС/ХСС не разделили взглядов историков и обрушились с резкой критикой на Гюнтера Гауса, обвинив его в отказе от национальных интересов ФРГ.

Гельмут Коль и его кабинет не могли поддержать выступление Гауса, явно шедшее вразрез с разработанной ими Программой принципов и всей их политикой в отношении ГДР. Для нового правительства идея сосуществования двух независимых государств была недопустима, так как в основе всей германской политики Коля лежал тезис об «открытости германского вопроса».

Коль и его команда пришли к выводу, что заключённые ранее договоры и соглашения с восточноевропейскими странами, и в частности с ГДР, не грозят ослаблению позиций ФРГ в проведении германской политики, а наоборот, только её усиливают. За период нахождения в оппозиции ХДС / ХСС смогли оценить всю

¹ *Janßen K.-H.* Deutsche Einheit – ein langer Seufzer // Die Zeit. 1981. Feb. 06. Nr. 07. S. 1, 28.

² *Winkler H. A.* Nation – ja, Nationalstaat – nein // Die Zeit. 1981. Feb. 13. Nr. 08. S. 5–6.

значимость, успехи и неудачи «восточной политики», которую проводила СДПГ / СвДП, а главное, они смогли выработать свою политику в развитии отношений не только с государствами социалистического лагеря, но и с ГДР, которая всегда представляла жизненно важный интерес для Федеративной Республики.

Из-за того, что отношения с восточным соседом носили для ФРГ особый характер, все сложные внешнеполитические вопросы передавались и, соответственно, решались исключительно в Ведомстве федерального канцлера. Так, по состоянию на 15 июня 1985 г. Аппарат германской политики состоял из шести основных подразделений: центральное руководство; Второе управление «Внешние и внутригерманские связи» с рабочим штабом германской политики; Пятое управление «Общественный и политический анализ, средства коммуникации» и служба спичрайтеров; Постоянное представительство в ГДР; полномочный представитель федерального правительства в Берлине; личный уполномоченный канцлера¹.

Аппарат не стал нововведением кабинета Коля, основная структура этой системы была сформирована ещё при социал-либеральном правительстве. С приходом к власти коалиция ХДС / ХСС – СвДП лишь произвела кадровые перестановки, назначив на эти посты членов своих партий.

Помимо федерального канцлера, к центральному руководству относился также глава Ведомства федерального канцлера, имевший с 1984 г. ранг государственного министра по особым поручениям и осуществлявший общее руководство остальными службами. В 1982–1984 гг. этот пост занимал Вальдемар Шреккенбергер, после него новым главой стал Вольфганг Шойбле².

Все подразделения Аппарата германской политики имели сложную структуру. Каждое из них состояло из отделов, куда входили группы различного профиля. Наиболее важную роль в проведении политики по отношению к ГДР играло Второе управление. Оно занималось исключительно вопросами германской политики, среди которых были: вопросы внутригерманских отношений; связи с ГДР; берлинский вопрос и другие. До прихода к

¹ Korte K.-R. Deutschlandpolitik in Helmut Kohls Kanzlerschaft: Regierungsstil und Entscheidungen 1982–1989. Stuttgart, 1988. S. 31.

² См.: Петелин Б.В. Указ. соч. С. 29.

власти Коля руководство Вторым управлением осуществлял чиновник МИДа, что было вполне понятно, учитывая его внешнеполитическую специфику. Непосредственным руководителем управления с 1982 г. был Хорст Тельчик – доверенное лицо канцлера. Н.В. Павлов пишет: «... Хорст Тельчик принимал непосредственное участие в определении линии правительства по международным вопросам. Он был связующим звеном между аппаратом сотрудников канцлера и МИДом ФРГ, также ему приходилось поддерживать тесные связи с фракцией ХДС/ХСС в бундестаге»¹. Можно констатировать, что постепенно Гельмут Коль сосредоточил в своих руках все направления отношений между ФРГ и ГДР.

К руководителю Ведомства федерального канцлера стекалась вся текущая информация по германскому вопросу. Необходимо отметить, что министр по особым поручениям Шойбле должен был всю германскую политику, вырабатываемую в своём ведомстве, проводить через рассмотрение в правительстве федерального канцлера. Соответственно глава Ведомства федерального канцлера должен был иметь проверенную информацию, чтобы потом представить её канцлеру.

Контакты между Кодем и руководителями Ведомства носили постоянный характер. Их встречи проходили, как правило, ежедневно, в формальной или неформальной обстановке. Любое проявление активности в проведении германской политики, любые дипломатические шаги в этом направлении становились предметом обсуждения с глазу на глаз, без протокольных записей. Канцлер и пользовавшийся его доверием глава его ведомства постоянно получали необходимую информацию. Тесное взаимодействие между канцлером и руководителем его ведомства (особенно это касалось Шойбле) по выработке политики в отношении Восточной Германии вызвали определённые подозрения внутри фракции ХДС / ХСС. Представители фракции, особенно те, кто был тесно связан с деятельностью «Союза изгнанных», нередко критиковали федерального канцлера и главу его ведомства за «непоследовательность» в политике в отношении к ГДР².

¹ Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ: концепции и реалии 80-х годов. М., 1989. С. 35.

² См.: Петелин Б.В. Указ. соч. С. 33.

Рабочий штаб германской политики был аналитическим центром, общее руководство которым при Коле осуществлял вначале Герман фон Рихтхофен, а с 1986 г. – Клаус Дуйсберг. Поскольку не все руководители Ведомства федерального канцлера являлись специалистами по германской политике, им помогал штаб консультантов. Глава рабочего штаба составлял и прорабатывал совместные предложения¹. Министерство по внутригерманским отношениям и рабочий штаб постоянно конкурировали; министерство, пытаясь повысить свою роль в формировании германской политики, стремилось ликвидировать штаб, но эти действия блокировало Ведомство федерального канцлера.

Особо стоит выделить фигуру Рихтхофена, неоднократно принимавшего участие в переговорах с ГДР во время нахождения у власти СДПГ. Он был компетентным специалистом по германо-германским отношениям и одним из немногих людей в новом правительстве, кто сохранил за собой свой пост – возможно, вследствие того, что он не принадлежал ни к одной из политических партий ФРГ. Рихтхофен держался осторожного курса в отношениях между двумя германскими государствами, всегда смягчал критику в адрес ГДР в планируемых выступлениях канцлера, вычёркивал всё то, что, по его мнению, могло привести к ухудшению в отношениях между двумя германскими государствами².

С приходом к власти новой правительственной коалиции функции и задачи рабочего штаба германской политики были конкретизированы. Главным образом, сотрудники этого подразделения осуществляли «производственную деятельность»: готовили германо-германские переговоры, встречи шефа Ведомства федерального канцлера с представителями ГДР. Далее шли «инструментальная деятельность» (подготовка текстов речей, выступлений, заявлений, договоров, соглашений), «координационная деятельность» (координация германской политики через МИД с тремя западными державами в так называемой «группе четырёх», исключая СССР; консультации Бонна с тремя западными державами относительно «целостности Германии» и «берлинского вопроса»; подготовка к проведению встреч по германской проблеме), «административная деятельность» (подготовка переговоров с

¹ См.: Петелин Б.В. Указ. соч. С. 35–36.

² См.: Korte K.-R. Op.cit. S. 41.

представителями ГДР в рамках административных, организационных, технических вопросов и проблем), «текущая деятельность» (проблемы управления и руководства, ответы на запросы, поступившие от общественности, партий, парламента).

Также при Коле находились специальные консультанты, к которым федеральный канцлер обращался при разработке и принятии важных решений: они помогали обозначить перспективы в германской политике. Среди них были историки Карл Дитрих Брахер и Клаус Хильдебранд, помогавшие канцлеру готовить речи к памятным датам в истории германского народа. Профессор Элизабет Нелле-Нойманн занималась проведением социологических исследований по германскому вопросу и т.д.

Иногда советы и мнения консультантов не совпадали с позицией федерального канцлера. Например, профессор Михаэль Штюрмер (известный консервативный историк и публицист, участвовал в составлении посланий для канцлера) утратил расположение Коля, предложив тезис о том, что «путь к возрождению единого национального государства исторически и политически является закрытым»¹. Это явно не могло быть принято руководством ХДС/ХСС и самим Гельмутом Колем, которые постоянно говорили об «открытости» и нерешённости германского вопроса.

Придя к власти, Коль сразу попытался сосредоточить в своих руках все нити германской политики, подчёркивая тем самым первостепенность данного вопроса для себя и своей партии. Будущий канцлер «германского единства», производя перестановки в ведомствах, которые отвечали за германо-германские отношения, создал вокруг себя круг доверенных лиц, что упрощало его деятельность по реализации Программы принципов. Важным было то, что он не стал отказываться от успехов предшественников, а наоборот, смог развить их. Конечно, Гельмут Коль понимал невозможность быстрого решения этого вопроса, но, изначально взяв на себя всю ответственность за развитие германо-германских отношений, он сделал шаги на будущее, которые, по его мнению, должны были привести к единству немецкого народа.

Об авторе

Кириленко Александр Александрович – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

¹ Korte K.-R. Op.cit. S. 29.

И.А. Баторшина

Основные этапы процесса восточноевропейского расширения ЕС

В Европейском союзе на протяжении всей его истории параллельно протекали два процесса: углубление интеграции и расширение путём принятия новых членов. Эти два процесса попеременно доминировали, и баланс интересов достигался в результате хрупкого компромисса между государствами-членами ЕС. Следует отметить, что первые волны расширения Евросоюза происходили за счёт экономически развитых капиталистических стран. Так, в 1973 г. членами ЕС стали Дания, Ирландия и Великобритания, чей средний ВВП на душу населения в сравнении с показателями ЕС составлял 91%. В 1981 и 1986 гг. произошло так называемое «южное расширение» ЕС за счёт Греции, Испании и Португалии. Наибольший экономический эффект от присоединения новых членов Евросоюз получил в 1995 г. вследствие «северного расширения», в результате которого Австрия, Финляндия и Швеция стали полноправными участниками ЕС, впервые в истории сообщества увеличив средний показатель ВВП на душу населения. Так, в результате расширения 1973 г. средний уровень ВВП в ЕС снизился на 0,91%, в 1981 г. на 1,33%, в 1986 г. на 5,51%. Впервые показатель среднего уровня ВВП на душу населения увеличился после очередной волны присоединения в 1995 г. – на 0,20%¹.

Пятая волна расширения Европейского союза качественно отличалась от предыдущих. Во-первых, прежде переговоры об интеграции велись с одним, двумя или тремя государствами одновременно. Восточноевропейское расширение было массированным и крупномасштабным: планировалось вступление 10 стран ЦВЕ. Во-вторых, ранее процессы расширения и углубления интеграции чередовались, а в этот период они должны были происходить одновременно (поэтому нередко его называют «двойным расширением»). В-третьих, ранее к ЕС присоединялись страны со схожим

¹ Данные официального сайта Европейского союза (<<http://europa.eu>>).

социально-экономическим уровнем развития и идентичной политической моделью. Пятое расширение охватывало относительно отсталые страны, более того – государства бывшего социалистического лагеря, находившиеся в процессе системной трансформации. Экономические различия и различия в отраслевой структуре ВВП были очень значительны. Так, если на сельскохозяйственный сектор в ЕС-15 приходилось только 2,3% ВВП, то в странах-кандидатах этот показатель был гораздо выше и достигал 40% (Румыния). Удельный вес тяжелой и горной промышленности был очень высок и насчитывал в валовой добавленной стоимости 30,7%, в Чехии и Румынии – более 40%¹. В странах-кандидатах не были завершены рыночные реформы, в том числе приватизация и реформа банковской системы. Поэтому экономический эффект от присоединения стран ЦВЕ оказался небольшим: имея общую численность населения около 100 млн человек, новые члены увеличивали ВВП ЕС всего на 5%².

Очевиден тот факт, что интеграция Восточной Европы была мотивирована политически. По утверждению ряда специалистов, существование ЕС по соседству с замкнутой группой постсоветских государств с социально-экономическими и этническими проблемами и неустойчивой демократической структурой было потенциально опасным. Вследствие этого расширение на Восток рассматривалось как важный фактор утверждения демократии и стабильности в Европе. Более того, присоединение Центрально-Восточной Европы позволяло усилить политический вес ЕС в мире, изменить его международный статус, укрепить позиции в ряде организаций, в том числе в НАТО, ВТО, ОЭСР и других. Именно поэтому восточное расширение получило высокую оценку на Западе. Так, его характеризовали как победу над «Ялтинским разделом», а председатель КЕС (Комиссия Европейского союза) Ж. Сантер оценил этот процесс как «великое событие в европейской интеграции», «замечательный подарок, который мы этим

¹ См.: Пьяцоло Д. Восточная Европа между трансформацией и вступлением в ЕС: анализ реформаторских требований // Проблемы теории и практики управления. 2002. №2. С. 8–14.

² См.: Поздняков В., Ганжса С. Новые страны на пороге Европейского союза // Международная жизнь. 1999. №3. С. 39.

преподносим самим себе, присоединяющимся странам, а также миру в целом»¹.

Следует отметить, что Европейский союз не был готов к геополитическим изменениям в Восточной и Центральной Европе, происшедшим в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В сообществе доминировали процессы западноевропейской интеграции, сложно продвигалась ратификация Маастрихтского соглашения. Фактически ЕС не обладал цельной и последовательной восточноевропейской стратегией, а потому не мог ещё чётко определить векторы развития отношений с постсоветскими странами.

Тем не менее уже с конца 1980-х гг. ЕС проявил желание оказывать финансовую помощь странам-реформаторам. На сессии Европейского совета в 1988 г. страны ЕС впервые заговорили о необходимости реагировать на геополитические изменения в Европе. Важным событием стал Парижский саммит в июле 1989 г., по результатам которого было решено оказывать финансовую помощь государствам ЦВЕ через созданную специально для этого программу ФАРЕ. Изначально программа была рассчитана только для Венгрии и Польши (PHARE – Poland and Hungary Assistance for the Restructuring of the Economy), но позже была распространена на другие страны ЦВЕ, а с 1992 г. интегрирована в систему Европейских соглашений. Приоритетной целью программы являлось оказание финансовой помощи в процессе реструктуризации экономики и демократических институтов стран-реформаторов.

На сессии Европейского совета в Страсбурге в декабре 1989 г. по предложению Франции было принято решение учредить Европейский банк реконструкции и развития для выделения средств на развитие частного сектора и демократии в Центральной Европе.

Первым этапом взаимоотношений ЕС со странами ЦВЕ можно считать заключение в конце 1980-х – начале 1990-х гг. соглашений о торговле и сотрудничестве (или «соглашений первого поколения»), направленных главным образом на экономическое сотрудничество и распространение на эти страны режима наибольшего благоприятствования. Первые такие соглашения были за-

¹ См.: *Иванов И.* Расширение Евросоюза: сценарий, проблемы, последствия // *Мировая экономика и международные отношения.* 1999. №9. С. 22; *Расширение* // *Вайденфельд В., Вессель В.* Европа от А до Я: справочник европейской интеграции. Рига, 2002. С. 363.

ключены с Венгрией и Польшей в 1988 и 1989 гг. соответственно; с Чехией, Румынией, Болгарией и Словакией – в 1990 г., с прибалтийскими республиками и Словенией – в 1993 г.¹

По мнению некоторых исследователей, заключение соглашений о торговле и сотрудничестве было скорее необходимой и вынужденной реакцией ЕС на политические перемены в Восточной Европе и попыткой отсрочить значительное увеличение расходов, связанных с потенциальным расширением². Поэтому для постсоветских государств предлагались различные альтернативы членству, в том числе ассоциативные соглашения, частичное участие в политике ЕС.

Следует отметить ещё одну важную особенность в формирующейся восточноевропейской стратегии ЕС: с начала 1990-х гг. сообщество придерживалось дифференцированного подхода в отношениях со странами ЦВЕ, происходило поэтапное сближение с отдельными группами государств. Европейский союз в первую очередь поддерживал страны-реформаторы с чётко разработанными программами социально-экономических и политических преобразований, то есть прежде всего Чехословакию, Польшу и Венгрию.

Следующим этапом в развитии отношений ЕС со странами ЦВЕ стало заключение соглашений об ассоциации, или «соглашений второго поколения»³, которые в 1997 г. были включены в главный элемент «Стратегии по подготовке к членству» в ЕС. Отправной точкой для принятия решения о заключении подобного рода соглашений стал доклад Еврокомиссии «В направлении скорейшего создания ассоциации с государствами Центральной и Восточной Европы» в декабре 1992 г. на саммите Европейского совета.

Европейские соглашения или соглашения об ассоциации являются классическим инструментом внешней политики ЕС: они затрагивают не только экономические вопросы, но и вопросы пра-

¹ *Расширение*. С. 431.

² См. подробнее: *Воротницкая Т.* Основные этапы политики расширения Европейского союза на Восток (конец 1989-х – 2002 г.). URL: <<http://beljournal.by.ru>>.

³ В 1990 г. Великобритания на саммите ЕС выступила с предложением о заключении соглашений об ассоциации со странами Центрально-Восточной Европы. См.: *Европейский союз: справочник*. М., 2003.

вовых преобразований, что заложило основу политического диалога и сотрудничества в экономической, политической и научно-культурной сферах¹. В соглашениях впервые был закреплён институциональный диалог на уровне министров в Совете по ассоциациям.

В принципе, все соглашения об ассоциации имеют одинаковую структуру и включают положения о политическом сотрудничестве, свободном движении товаров, услуг и капиталов, экономическом, культурном и финансовом сотрудничестве. Однако целью данного соглашения является в первую очередь создание зоны свободной торговли для промышленной продукции между ассоциированной страной и ЕС на принципах асимметрии. Для стран ЦВЕ вводился переходный период, максимальный срок которого составлял 10 лет, с целью постепенной отмены ограничений по объёму и пошлине в таких областях, как сталь, уголь и текстиль. Принцип асимметрии заключался в том, что ЕС отменял пошлины и количественные ограничения на большую часть экспорта стран ЦВЕ сразу после вступления в силу Европейских соглашений².

Важно отметить, что соглашения об ассоциации изначально не были задуманы как предварительный этап расширения, а потому не давали стране-реформатору гарантии на вступление в сообщество. Несмотря на то что в преамбуле документа содержалось положение о том, что конечной целью является вступление страны в ЕС, ни конкретные условия, ни сроки не были определены. Именно поэтому европейские соглашения оценивались двойственно: с одной стороны, они нередко критиковались со стороны стран-реформаторов, которые рассматривали ассоциацию как навязанную им форму сотрудничества вместо реального членства в ЕС; с другой стороны, рассматривались как важный этап в процессе углубления интеграции с ЕС³.

¹ См. подробнее: *Быховский С.* Расширение ЕС на Восток // Европейский союз на пороге XXI века. М., 2001.

² См.: *Grabbe H., Hughes K.* Enlarging the EU Eastwards. London, 1998. P. 31–33.

³ См. подробнее: *Maniokas K.* Road to the Negotiations: Enlargements instruments and the development of Lithuania's status // *Maniokas K., Vilpisauskas R., Zeruolis D.* Lithuania's road to the European Union: unification of Europe and Lithuania's EU accession negotiations. Vilnius, 2005; *Arnswald S.*

Тем не менее в сообществе возможность расширения на Восток обсуждалась с начала 1990-х гг. Одним из ключевых документов этого периода является доклад Комиссии «Европа и проблема расширения», представленный на саммите Европейского совета 26–27 июня 1992 г. в Лиссабоне. В документе рассмотрена перспектива расширения ЕС за счет государств ЦВЕ, так как «расширение – это проблема, которую не может отклонить Сообщество. Другие страны Европы ищут в нас гарантию стабильности, мира и процветания и возможность играть свою роль в интеграции Европы. Укрепить вновь созданную свободу и стабилизировать развитие – это не только их интересы, но и наши»¹.

Однако при этом Комиссия предостерегала от опасности снижения эффективности углубления интеграции. Более того, расширение повлекло бы за собой огромные финансовые расходы на поддержку реформ в этих государствах. Тем не менее политические мотивы преобладали над потенциальной экономической выгодой: «расширение, – как отмечали несколько позже члены Европейского парламента, – это прежде всего политическая цель, политическая важность вопроса далеко превосходит вкладываемые в это финансовые средства», и поэтому «следует со всей решительностью подчеркнуть, что проблеме цены расширения ни в коем случае не должно быть позволено взять верх над связанными с ним принципиальными политическими соображениями»².

В рамках своего доклада Комиссия выработала ряд рекомендаций и условий, необходимых для реализации странами-кандидатами перед вступлением в ЕС. Первоочередной проблемой представлялась имплементация европейского права (*acquis communautaire*) в национальное законодательство стран ЦВЕ.

Поворотным событием в политике ЕС в отношении стран Центральной и Восточной Европы стал Копенгагенский саммит Европейского совета 21–22 июня 1993 г. Впервые официально была признана потенциальная возможность восточного расширения за счет стран ЦВЕ. На основе доклада Комиссии, принятого на Лиссабонском саммите, были разработаны условия вступления для

EU enlargement and the Baltic states. Helsinki, 1998; Grabbe H., Hughes K. Op. cit.

¹ Schimmelfennig F. The EU, NATO and the Integration of Europe. Rules and Rhetoric. Cambridge, 2003. P. 100.

² Иванов И. Указ. соч. С. 25.

кандидатов, или знаменитые «копенгагенские критерии» членства. Согласно этим критериям потенциальные кандидаты должны были выполнить следующие условия: создать стабильные институты, гарантирующие демократию, правовой порядок, соблюдение прав человека и защиту прав национальных меньшинств; иметь функционирующую рыночную экономику, способную справляться с конкуренцией и действием рыночных сил в Евро-союзе; принять на себя обязательства членства, включая приверженность задачам создания экономического и валютного союза.

Копенгагенский саммит положил начало разработке новых программ сотрудничества ЕС со странами ЦВЕ. На саммите в Эссене (декабрь 1994 г.) была принята «стратегия сближения», ключевыми элементами которой стали структурированный диалог, Европейские соглашения, программа ФАРЕ и Белая книга.

Важнейшей инициативой Комиссии стало составление так называемой Белой книги «Подготовка ассоциированных государств Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Европейского союза». Документ содержал рекомендации для реформирования экономик стран-кандидатов в целях подготовки к функционированию в рамках общего европейского рынка. При этом следует отметить, что Белая книга имела индикативный характер, в то время как положения Европейских соглашений были обязательны для исполнения и реализации.

В 1995 г. на Мадридском саммите к копенгагенским критериям было добавлено требование эффективной деятельности административных и юридических структур по имплементации *acquis communautaire*: «Важно, чтобы законодательство ЕС было перемещено в национальное законодательство, ещё важнее, чтобы законодательство эффективно реализовывалось через соответствующие административные и юридические структуры. Это условие взаимного требования, необходимого для членства в ЕС»¹.

По итогам встречи в Мадриде было решено начать переговоры о вступлении в ЕС новых членов через шесть месяцев после окончания межправительственной конференции, главной целью которой являлось решение вопросов институциональной реформы в условиях расширенного Евросоюза. Европейский совет поручил

¹ Fraser C. Principles and problems of EU Eastern Enlargement // EU enlargement and beyond: the Baltic states and Russia. Berlin, 2002.

Комиссии к саммиту Евросовета в 1997 г. в Люксембурге подготовить аналитические материалы относительно соответствия стран-кандидатов копенгагенским критериям, а также возможности в среднесрочной перспективе соответствовать всем необходимым требованиям для вступления в Европейский союз. В апреле 1996 г. Комиссия впервые в своей истории подготовила для стран-кандидатов вопросники, затрагивающие все сферы *acquis*. На основе присланных в ЕС ответов главным образом и были сформированы оценки Еврокомиссии относительно уровня подготовленности каждой страны к вступлению в ЕС и выработаны необходимые рекомендации.

В июле 1997 г. КЕС опубликовала документ под названием «Повестка 2000», посвященный перспективам развития ЕС в XXI в. и состоящий из трёх частей: будущее развитие институтов ЕС и сфер его деятельности; финансовые перспективы ЕС на период 2000–2006 гг.; восточное расширение ЕС¹.

«Повестка 2000» – первый обширный и обобщающий анализ важного вопроса взаимоотношений ЕС со странами Центрально-Восточной Европы, он включает 12 документов, 2 из которых посвящены проблемам реформирования ЕС, последствиям расширения и его финансированию, а также «усиленной стратегии подготовки стран к вступлению в ЕС». Помимо изложения стратегии Комиссия в остальных 10 документах представила подробный анализ социально-экономических и политических преобразований в странах-кандидатах и уровень их соответствия копенгагенским критериям.

Принимая во внимание достигнутые кандидатами успехи, было рекомендовано начать процесс переговоров только с шестью странами. Люксембургский Евросовет 1997 г. дифференцировал страны на две группы, одна из которых (так называемая Люксембургская группа – Польша, Венгрия, Чехия, Словения, Эстония и Кипр) была приглашена к началу переговоров, торжественное открытие которых состоялось 30 марта 1998 г.

Остальные страны, впрочем, как и страны Люксембургской группы, включались в «Усиленную вступительную стратегию»

¹ См. подробнее: *Agenda 2000: for a stronger and wider Union*. URL: <<http://europa.eu>>; *Strengthening the Union and preparing the 2004 enlargement*. URL: <<http://europa.eu>>.

(независимо от достигнутого уровня соответствия копенгагенским критериям), которая была призвана активизировать усилия по выполнению необходимых условий членства в ЕС.

В общем виде «усиленная (интенсифицированная) вступительная стратегия» дополнила эссенскую «стратегию сближения» и добавила несколько элементов: европейские соглашения и программы технической и финансовой помощи. В рамках программы ФАРЕ произошли изменения в схеме финансирования: принцип ежегодного финансирования был заменен долговременным планированием. За первое десятилетие (1989–1999) бюджет программы составил 11 млрд евро, на период 2000–2006 гг. в рамках «Повестки 2000» было запланировано 10,5 млрд евро, ежегодно выделяемых из фондов ФАРЕ по 1,5 млрд евро. С 2000 г. были добавлены две дополнительные структурные программы финансовой помощи – ИСПА и САПАРД¹. Общий бюджет программы ИСПА составил 7 млрд евро, на поддержку аграрного сектора в рамках программы САПАРД было выделено 3,5 млрд евро на период 2000–2006 гг.

Третий инструмент усиленной стратегии – программа вступительного партнёрства. Программы вступительного партнёрства были разработаны отдельно для каждой из 10 стран ЦВЕ вне зависимости от их соответствия копенгагенским критериям и предполагаемых сроков вступления в ЕС. Цель программы – содержательно и в течение определённого времени структурировать под руководством ЕС процесс подготовки к вступлению. Программа вступительного партнёрства включала цели, принципы, краткосрочные и среднесрочные приоритетные области для дальнейшей работы, а также определяла в соответствии с приоритетами финансовые средства, помогающие кандидатам решить поставленные задачи². Установленные в документе цели конкретизировались в национальных программах принятия *acquis* ЕС и в планах реализации целей.

¹ Цель программы САПАРД – повышение конкурентоспособности сельского хозяйства стран ЦВЕ и помощь в адаптации *acquis*. Программа ИСПА призвана содействовать структурным реформам в государствах ЦВЕ. Им выделяется помощь для адаптации к нормам ЕС в области транспортной инфраструктуры и экологии.

² См.: *Partnership for the accession of Lithuania*. URL: <<http://europa.eu>>.

С 1998 г. был введён четвёртый элемент «Стратегии подготовки к членству» – регулярные доклады, которые должны были подготавливаться Комиссией в целях анализа прогресса в каждой стране относительно соответствия копенгагенским критериям в целом и краткосрочным и среднесрочным приоритетам, включённым в программы Вступительного партнёрства, в частности.

Косовский конфликт в 1999 г. подверг переосмыслению политику ЕС и придал динамизм процессу расширения. Очевидным стало, что процесс интеграции призван укрепить стабильность и безопасность в Европе. В ежегодном докладе Комиссия анализировала ситуацию относительно дальнейшего развития и предложила начать переговоры со второй группой стран-претендентов и признать Турцию в качестве кандидата на вступление в ЕС.

На заседании в Хельсинки Евросовет принял рекомендации КЕС на саммите в декабре 1999 г. Вторая группа стран – Латвия, Литва, Словакия, Болгария, Румыния и Мальта – была приглашена к началу переговоров, торжественное открытие которых состоялось 15 февраля 2000 г.

Европейский совет изменил также стратегию проведения переговоров, перейдя от модели «двух групп» к принципу «регатъ», который означал, что при наличии успехов страны второй группы имеют возможность догнать Люксембургскую группу и одновременно с ними вступить в Европейский союз.

Следует отметить, что ни в люксембургских, ни в хельсинкских решениях Евросовета не содержалось положений о сроках вступления и персональном составе кандидатов в ЕС. Европейский совет лишь принял политическое обещание закончить переговоры к концу 2002 г. Поэтому все страны-кандидаты находились в напряжённом ожидании того, будут они включены в предстоящую волну расширения или нет. ЕС до последнего момента держал в тайне имена кандидатов на вступление. Лишь на Копенгагенском саммите Евросовета в декабре 2002 г. официально было объявлено о завершении переговоров с Кипром, Чехией, Эстонией, Венгрией, Латвией, Литвой, Мальтой, Польшей, Словакией и Словенией и зафиксирована дата вступления в ЕС – 1 мая 2004 г.

В отношении Болгарии и Румынии было отмечено, что переговоры о вступлении с этими странами являются интегральной частью всего процесса восточноевропейского расширения ЕС и эти страны достигли значительных успехов, но, однако, национальное

законодательство Болгарии и Румынии еще не в полной мере соответствовало нормам европейского права. Вследствие этого в рамках копенгагенской встречи было заявлено, что при условии реализации специально разработанной для них «дорожной карты» эти страны в январе 2007 г. станут членами ЕС¹. Основной принцип «дорожной карты» заключался в разработке расписания, т. е. времени начала и завершения переговоров по конкретным статьям *acquis communautaire*.

Успешное завершение вступительных переговоров было зафиксировано на саммите Евросовета в Брюсселе в июне 2004 г., и по результатам встречи принято решение о вступлении Румынии и Болгарии в ЕС с 1 января 2007 г. Таким образом, было закончено грандиозное и беспрецедентное в истории Европейского союза расширение на Восток.

Об авторе

Баторшина Ирина Александровна – аспирантка кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории РГУ им. И. Канга.

¹ *Copenhagen* European Council (12 and 13 December 2002). Presidency Conclusions. URL: <<http://europa.eu>>.

Раздел 4

ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА

От переводчика

«Ретроспектива» задумывалась как сборник, предоставляющий слово молодым исследователям самых разных аспектов всемирной истории. Все авторы предшествующих выпусков работали в Российском государственном университете им. И. Канта в Калининграде. Презентация результатов своих исследований – важная составляющая профессионального роста. Однако рост невозможен без диалога с коллегами: только на фоне широкой дискуссии обретается *перспектива* подлинного развития науки.

Поэтому редколлегия открывает новый раздел, в котором предполагает публиковать материалы молодых исследователей, проживающих и работающих за пределами Калининграда – в других российских или зарубежных университетах и научных центрах. Первый опыт трансграничного сотрудничества на страницах «Ретроспективы» предлагается вашему вниманию.

Автор публикуемой ниже статьи – тридцатилетний бельгийский исследователь Раф Хейненс (*Raf Geenens*). Он учился в Брюссельском и Лёвенском университетах, а также в университете Париж VIII; сейчас работает в Центре политической мысли Католического университета Лёвена (Бельгия) и в качестве приглашённого исследователя трудится в Центре Раймона Арона в Школе высших исследований социальных наук (*Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales*) в Париже. Область его первоначальных научных интересов охватывала континентальную политическую мысль и французский либерализм XIX в., а в настоящее время Раф Хейненс работает над монографией, посвящённой Клоду Лефору.

Лефор в России остаётся малоизвестным мыслителем. Это не совсем справедливо, потому что на Западе он считается одним из самых глубоких политических мыслителей современности, а в его творчестве Россия, русская история, советский опыт занимают важное место. В то же время Лефор – мыслитель левых взглядов, критиковавший СССР в те послевоенные десятилетия, когда французскими интеллектуалами это считалось моветоном. Поэтому в советское время его не переводили по одним причинам, а после 1991 г., когда в российском общественном сознании левые идеи резко утратили свою популярность, – по другим. Конечно, в последние годы запрещённых имён практически не осталось, и русскоязычный читатель может познакомиться с некоторыми сочинениями французского автора. Но до сих пор всё ещё не утвердилась традиция написания его фамилии: на русском языке изданы две книги – «Политические очерки. XIX–XX века» Клода *Лефора* (в полном ошибок и несуразностей переводе; М., 2000) и «Формы истории» Клода *Лефорта* (СПб., 2007).

Лефор родился в 1924 г. и с юности тяготел к левацким группировкам во Франции, преимущественно троцкистского характера. Порвав впоследствии с троцкистами, он вместе с Корнелиусом Касториадисом (1922–1997) основал группу «Социализм или варварство». Он посвящает своё творчество основным темам современной политической науки – тоталитаризму и демократии. Статья, перевод которой публикуется ниже, как раз представляет собой исследование эволюции взглядов Лефора по ключевой проблеме демократии. Специфика демократического подхода к политической жизни состоит в том, чтобы одновременно удерживать в сознании две диалектически связанные установки: активно действовать на основе веры в возможность совершенствования общества и мужественно принять невозможность быстрого улучшения.

В оригинале Хейненс оперирует широко распространёнными в современном языке политической теории терминами, для которых не всегда можно найти однозначные русские эквиваленты. Близкое по значению понятие «*commitment*» преимущественно передавалось русским словом «ангажированность»: здесь соединяются понятия «приверженность», «обязательство» и «готовность участвовать». В самом названии статьи фигурирует термин «*attitude*» – его принято переводить на русский язык словом «установка», хотя исходное значение вбирает в себя также понятия «позиция» и «отношение».

Переводчик выражает признательность за помощь Юлии Бардун.

Илья Дементьев

Р. Хейненс

Лефор и специфика «демократической установки»¹

«Подобно волне, политика затягивает и выбрасывает нас». Этой загадочной фразой начинается текст Лефора, который часто недооценивают, – «Политика и мысль о политике»². Она вызывает сразу несколько вопросов. Кто такие «мы», к которым обращается Лефор? Что значит «политика»? И как мы можем быть «выброшены» ею? Первый вопрос на самом деле самый лёгкий. Под «нами» Лефор понимает попросту всех нас: тех, кто не вовлечён профессионально в область принятия решений, простых внешних наблюдателей. Помимо того, «мы» – не всецело вне политики. Это сложное взаимодействие (волна, затягивающая нас и выбрасывающая нас) обнаруживает себя в детальном анализе опыта политической ангажированности у Лефора.

Статья по большей части посвящена реконструкции лефоровского понимания феномена политической ангажированности. Хотя «Политика и мысль о политике» – наилучший источник, в деталях раскрывающий мысль Лефора о том, как мы относимся к политическим проблемам, некоторые другие тексты (включая книгу 1976 г. «Человек излишен») содержат – по ходу изложения – неожиданные откровения. Я постараюсь обосновать, что лефоровское описание опыта политической ангажированности снабжает нас материалом для выстраивания его поздней теории демократии. Важный элемент этой теории – идея, что демократия появляется с принятием специфической *установки*. Можно сказать, что само описание Лефором политической ангажированности несёт в

¹ Перевод с английского *И.О. Дементьева*. Статья представляет собой переработанный автором специально для «Ретроспективы» текст, который в своих основных тезисах повторяет недавнюю публикацию: *Geenens R.* «When I was young and politically engaged...»: Lefort on the problem of political commitment // *Thesis Eleven*. 2006. № 87. P. 19–32.

² *Lefort C.* La politique et la pensée de la politique [1963] // *Eiusdem.* Sur une colonne absente. *Ecrits autour de Merleau-Ponty*. P.1978. P. 45.

себе скрытую нормативную цель, давая понять, как нам следует относиться к политике в демократическом обществе.

Две установки

Анализ политической ангажированности, на первый взгляд, – довольно маргинальная тема в сочинениях Лефора, которая затрагивается в незначительных, как может показаться, размышлениях и посторонних замечаниях, разбросанных среди теоретических рассуждений. Несмотря на это, один специфический пример неоднократно возвращается на страницы сочинений Лефора – симпатия французских интеллектуалов к советскому режиму. Во многих очерках он даёт любопытное изображение злоключений своих современников, которые – в иных случаях вплоть до поздних 1960-х – продолжали защищать дело коммунизма. Несмотря на возрастающую очевидность повсеместного террора и систематических репрессий, многие оставались упорными защитниками советского режима. Хорошо известно, что такое положение дел сформировало первоначальный контекст сочинений Лефора, с конца 1940-х гг. выражавшего своё возмущение двусмысленной позицией французских левых по отношению к самодурству (*extravagances*) советского государственного аппарата. В то самое время, когда критика СССР широко трактовалась как выражение буржуазного консерватизма, Лефор был среди самых первых левых интеллектуалов, обнаруживавших в сталинском терроре не простой *accident de route*¹, но доказательство против жизнеспособности всякого коммунистического режима.

В эссе, появившихся в «Тан модерн» (*Les Temps Modernes*) и позднее в «Социализме или варварстве», Лефор обвиняет своих современников в неспособности разглядеть подлинную природу советского режима. Подробнее всего он излагает свои взгляды в своей поздней книге «Человек излишен», обсуждая «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и его рецепцию во Франции. Лефор задаётся вопросом, почему столь многие интеллектуалы оказались слепыми по отношению к реальности. Вопрос, подчёркивает Лефор, адресован к тем, кто находится вне сферы политики. Задан-

¹ *Accident de route* (фр.) – буквально «несчастный случай на дороге», «автомобильная катастрофа». – *Прим. пер.*

ный профессиональным политикам, связанным с [коммунистической] партией во Франции или в России, этот вопрос был бы нерелевантным, а ответ – тривиальным. Очевидно, что, игнорируя многочисленные злоупотребления, они преследовали свои интересы, особенно если стремились остаться у власти. Почему, однако, встречались и другие – те, кто, будучи не «в политике» и, следовательно, не «во власти», всё же упорствовали в своей ангажированности? Лефор даёт ответ без обвиняков. Если его современники не преуспели в понимании природы и масштабов советских репрессий, это произошло прежде всего потому, что они *идентифицировали* себя с ними. Здесь, во Франции, все окружавшие нас люди защищали сталинский террор, говорит Лефор, потому что они признавали его «своим собственным»¹. Насилие в СССР и их собственная борьба служили одной и той же конечной цели – или им по крайней мере нравилось верить в это. Будучи в «тисках воображаемого» («the grip of the imaginary»)², современники Лефора предстают в трагическом неведении по поводу того, что положение дел после 1917 г. существенно изменилось и что русский народ вместо состояния перманентной революции страдает от жесточайшего угнетения. К тому же, вне зависимости от того, насколько изобретательной и гибкой иногда оказывается идеология, реальность не может исказиться до бесконечности. Лефор показывает в работе «Человек излишен», как «пробуждались» – один за другим – его современники. У некоторых это произошло в связи с протестами рабочих в Восточном Берлине или восстанием в Польше. Другим глаза раскрыло советское вторжение в Чехословакию. Со временем почти всем французским интеллектуалам пришлось потерять свою «веру». Действительность, кажется, всегда корректирует революционную точку зрения.

Совершенно иной пример политической ангажированности предложен в лефоровском анализе оригинальных взглядов Солженицына (в той же работе «Человек излишен»). В первых двух томах «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын объясняет функционирование лагерей и анализирует социальную «сеть сил» («network

¹ Lefort C. Un Homme en trop. Réflexions sur «L'Archipel du Goulag». P., 1976. P. 11.

² Lefort C. Novelty and the Appeal of Repetition [1971] // Eiusdem. The Political Forms of Modern Society. Cambridge, 1986. P. 126.

of forces»), лежащую в основе репрессий. Этот текст, по мнению Лефора, носит откровенно антиреволюционный характер. Солженицын описывает «реальные эффекты социализма»¹ и рисует преднамеренно расколдованный образ функционирования советского общества. Несмотря на это, те, кто прочтут до конца много томный «Архипелаг ГУЛАГ», обнаружат, что тон автора внезапно меняется в третьем томе. Здесь Солженицын перестаёт «описывать факты как нейтральный наблюдатель»². Вместо этого он усваивает «новый язык»³. В первых двух томах Солженицын изображает всех заключённых как отчасти малодушных людей, лишённых малейших помыслов о сопротивлении. В последнем томе, однако, он поправляет сам себя: некоторые пытались сопротивляться, «некоторые были подлинно *политическими*»⁴. Солженицын не просто рисует идиллическую картину многочисленных примеров коллективного сопротивления, имевших место в лагерях, но также охотно призывает к воображаемому восстанию заключённых. *Зекам* следует объединиться без колебаний и не бояться применить насилие. Солженицын даже детально описывает воображаемое убийство охранников во имя революционного правосудия. Авторская перспектива, подчёркивает Лефор, претерпела драматичные изменения в третьем томе. Не скажешь, что языку и образу мыслей Солженицына недостаёт воинственности: весь его лексикон сигнализирует о радикальном разрыве с прежним тоном его сочинения, придавая таким образом книге «*политический масштаб*» («*political score*»)⁵. Эмпирическое описание действительности теперь замещено соблазнительной активностью с апелляциями к революционным образам.

Родственная концептуальная оппозиция может быть обнаружена уже в одном из ранних опубликованных Лефором коротких текстов. В статье «Кравченко и проблема СССР» Лефор обсуждает книгу «Я выбрал свободу» (*I Chose Freedom*) советского чиновника Виктора Кравченко, укrywшегося в США в конце 1940-х гг. В обзоре его книги двадцатичетырёхлетний Лефор имплицитно противопоставляет два способа отношения к политической реаль-

¹ Lefort C. Un Homme en trop... P. 220–221.

² Ibid. P. 207–208.

³ Ibid. P. 210.

⁴ Ibid. P. 217.

⁵ Ibid. P. 216.

ности. С одной стороны, есть точка зрения Кравченко – взгляд того, кто не «участвовал» в революции. Он даже не получил должного марксистского образования: ему чужды марксистская философия и словарь. Более того, взгляд Кравченко на СССР – это взгляд «инженера». Кравченко на самом деле был инженером, и профессия снабдила его «весьма специфической точкой зрения на политические и социальные события: точкой зрения *техника*»¹. Кравченко объясняет структурные ошибки в сталинской экономике и описывает функционирование террора, как будто советское общество было объектом для изучения². Методом от противного Лефор вкратце обрисовывает другую перспективу – точку зрения отца Виктора Кравченко: последний «представляет собой вид старого рабочего-революционера», проникнутого классовым сознанием, которое Лефор обозначает как «аутентичное»³. Иными словами, беспристрастная техническая точка зрения сопоставлена с более прочной формой ангажированности. Хотя это не совсем то, что обсуждалось в работе «Человек излишен», указанная оппозиция напоминает нам о двух разных перспективах, выявленных у Солженицына. В обоих случаях более дистанцированная точка зрения контрастирует с ангажированной установкой, типичной для некоторых форм революционного сознания.

Сказанное приобретает новое значение при чтении работы «Политика и мысль о политике», в которой Лефор имеет дело прежде всего с нашим отношением к политике. Он начинает с определения «нас»: «Мы – это те, кто не сделал политику профессией»⁴. Есть другая сторона – «политики» (*«les politiques»*), небольшая группа избираемых должностных лиц, определяющих «ритуалы, зарезервированные для посвящённых» (*«the rituals reserved for the initiated»*), «инсценированную войну» (*«the staged war»*) и «секретность» политики⁵. «Мы» – вне этой сферы. Отсюда вопрос прос Лефора: каково наше отношение к домену политики? Для ответа он избирает окольный путь – через детальный анализ поли-

¹ Lefort C. Kravchenko et le problème de l'U.R.S.S. // Les Temps modernes. 1948. №29. P. 1492.

² Ibid. P. 1504.

³ Ibid. P. 1492–1493.

⁴ Lefort C. La politique et la pensée... P. 45.

⁵ Ibid. P. 46-47.

тических настроений тех, кто со всей страстностью солидаризировался с делом алжирской независимости.

Левые интеллектуалы в целом рассматривали алжирскую антиколониальную войну как ещё один пример классовой борьбы. Алжирцам, пишет Лефор, приписывалась роль французского пролетариата; у них был *один* враг – буржуазия. Для французов алжирская борьба была их *собственной* борьбой. Географическое расстояние, отделявшее парижских интеллектуалов от войны в Алжире, не очень мешало этой идентификации, делая её, наоборот, всё более прямолинейной. Восстание, указывает Лефор, было «нашим» именно потому, что оно происходило на расстоянии¹.

Корни отождествления с алжирским делом лежали в обыкновенном разочаровании в политике у себя дома. Сторонники коммунистов выросли с естественным осознанием расколотости французских левых, с пониманием обыденности французской политики со всеми её мелкими партийными интересами и порочной борьбой за власть. Но их могла бы воодушевить та идея, что в Алжире, по крайней мере, имела место безупречная «коллективная воля»; народ был «един» в своей борьбе. Во Франции политика стала неприятной партийной игрой, которую вела масса профессиональных политиков. Но здесь, в Алжире, народ всё ещё вдыхал «свежий воздух революции»². Ясно, что большинство французских интеллектуалов было вовлечено в войну только «интеллектуально». По мнению Лефора, они главным образом только *думали* о революции, оставаясь фактически всего лишь наблюдателями; их вовлечённость, можно сказать, была чисто *воображаемой*.

Однако с особым вниманием Лефор описывает общее чувство разочарования, воцарившееся во Франции после событий 1962 г. Несмотря на то что цель была достигнута и Алжир оказался освобождён от своего колониального угнетателя, обретение независимости обернулось полным упадком: «пробуждение – горько»³. Никто не мог вообразить, что де Голль окажется способен уступить алжирским требованиям без потери лица и без погружения Франции в тяжелейший политический кризис. Всё-таки ничего

¹ *Lefort C. La politique et la pensée...* P. 48.

² *Ibid.* P. 54.

³ *Ibid.* P. 50.

подобного не произошло, «шок не наступил». На следующее утро политика оказалась самой обыкновенной. Более того, совершенно очевидным было, что и солидарность пролетариата, оставленного в одиночестве стараниями французских интеллектуалов, не внесла никакого вклада в предоставление независимости. Решение де Голля было с большой долей вероятности обусловлено сложным комплексом интересов всех высших французских классов. Подобный ход событий огорчил тех, кто страстно сочувствовал революции. Хотя в результате успех был достигнут, приведшее к нему движение было «не таким простым и чистым, как грезилось некоторым»¹. Вдобавок вскоре стало ясно, что сам алжирский фронт только казался единым, тогда как в действительности он был основан лишь на временном союзе группировок и отдельных деятелей, начавших сразу же после обретения независимости соревноваться за власть. Раскол алжирского общества никогда не был так болезненно очевиден.

Лефор упоминает и ещё одну причину для разочарования. Установившийся в Алжире мир скрывал несметное множество прозаических проблем: экономическая и политическая жизнь отчаянно нуждалась в институциональной организации, сельскохозяйственное производство – в поддержке, а широко распространённая бедность – в срочных мерах по её искоренению. Лефор утверждает, что принятие точки зрения *инженера* было неизбежным; потребовалось увидеть вещи в *технической* перспективе. И это слово проясняет смысл разочарования лучше всего: учитывая все обстоятельства, алжирцы внезапно стали «техническим» вопросом.

При рассмотрении проблем, с которыми сталкивается новое государство, принималась точка зрения сельскохозяйственного инженера или, по крайней мере, об институтах начинали размышлять в технических терминах, подразумевающих применение определённых средств к определённым объективно детерминированным целям. В обоих случаях алжирское общество внезапно появляется *перед* нами – как любое другое общество. Узы участия, которые связали нас – по крайней мере в идеальном смысле – с революционным предприятием, разорваны².

¹ Lefort C. La politique et la pensée... P. 54.

² Ibid. P. 56–57.

Неожиданно алжирское общество перестаёт быть делом, к которому чувствуют причастность; оно теперь появляется «перед нами» как объект. Алжир внезапно стал «менее интересным»¹. Сразу после 1962 г. во Франции было много людей, пришедших к осознанию того, что политика «даже в тот самый момент посвящённости всеобщей цели не освобождена от своих обычных ограничений»². Даже когда обсуждается задача исключительной исторической важности, даже когда группа людей на законных основаниях борется за свою автономию, политика, оказывается, состоит из разногласий, фракционных конфликтов, игр власти и прочих прозаических проблем. На протяжении всего текста Лефор ищет подходящие слова для того, чтобы выразить наступившее чувство разочарования. «Страсть уступает дорогу *разочарованию*», – пишет он в одном месте; в другом – «конец войны *приводит в замешательство*» или «политические интриги очень быстро *обескураживают*»³.

Это разочарование имеет самое прямое отношение к противопоставлению двух перспектив. С одной стороны, есть точка зрения «изнутри нашей жизни». Ведомые возмущением или солидарностью, мы ощущаем, что в политике что-то *действительно* имеет решающее значение; мы убеждены, что важная задача должна быть выполнена. Из этой перспективы политика всецело заключается в реализации именно таких «правильных» целей и представляет собой обязательство, возникающее на основе движения «внутри нас»⁴. С другой стороны, есть более удалённая перспектива, в которой политика лишена любого отношения к «истине»⁵. Политика появляется здесь как объект, сложный набор «отношений власти» для описания и анализа. Лефор не просто сопоставляет эти две точки зрения, но фокусирует внимание именно на том моменте, где одна отступает и уступает дорогу другой; это как раз тот момент *разочарования*, когда внезапно рвётся воображаемая связь между нами и реальностью. Внутренний взгляд тогда заменяется более реалистичной позицией, в рамках которой общество предстаёт как простой феномен, упорядо-

¹ Lefort C. La politique et la pensée... P. 57.

² Ibid. P. 54–55.

³ Ibid. P. 49, 57, 59.

⁴ Ibid. P. 51.

⁵ Ibid. P. 58–59.

ченный или, скорее, разлаженный вследствие разногласий и усложнённый многими прочими вопросами, решением которых обычно заняты профессиональные политики.

Лефор так пространно описывает алжирскую ангажированность французских интеллектуалов потому, что она носит идеально-типический характер. Поочерёдный выбор между ангажированностью и разочарованием, как объясняет Лефор, – типичный способ «нашего» отношения к политическим вопросам. Эта история ангажированности и разочарования непрерывно повторяет сама себя, тем самым создавая *типичный опыт* («une expérience type»)¹. Здесь всегда, кажется, происходит двустороннее движение между воображаемым и реальным. Вывод Лефора состоит в том, что эта структура применяется ко всем нашим политически ангажированным взглядам: «Подобно волне политика затягивает и выбрасывает нас».

Фундаментальное общественное разделение

Один важный вопрос остаётся до сих пор без ответа. В какой мере существует внутренняя связь или хотя бы любая связь между всем этим слишком легко распознаваемым опытом политической ангажированности и природой демократии? Ответ должен быть найден посредством истолкования важной исходной посылки, на которой строится лефоровский аргумент. В обсуждении того, как «мы» относимся к текущей политике, мы изначально допускаем, что место политики – в отдельной сфере: это область, вне которой находимся мы и которая населена профессиональными политиками. В то же время, несомненно, такая ясная сегодня точка зрения – это совсем не то мнение, которого Лефор держался вначале. Пожалуй, это результат эволюции, со всей очевидностью иллюстрирующий постепенное развитие лефоровской социалистической схемы в более демократическую. В дальнейшем предстоит вкратце обрисовать это развитие.

В 1949 г. в Париже Лефор вместе с Корнелиусом Касториадисом организовал левую радикальную группу «Социализм или варварство». Она намеревалась поставить себя на службу планируемой пролетарской революции, которая перевернула бы вверх

¹ Lefort C. La politique et la pensée... P. 58.

дном господствующие отношения. Конечно, цель рабочей революции разделялась фактически всеми левыми активистами того времени. Но уникальность «Социализма или варварства» в сопоставлении с прочими современными ей аналогичными группами заключалась в том, что её члены отличались глубоким видением того, что понимается под этим переворотом. Будучи прототипом будущего «автономистского марксизма», члены «Социализма или варварства» настаивали на «самоуправлении» (по-французски «autogestion») рабочих¹. Это очень важное слово предполагало, что рабочие должны были «взять свою судьбу в свои собственные руки», как это выразил в одном месте Лефор, и должны были «организоваться независимо от партий и от профессиональных союзов, претендовавших на олицетворение их интересов и их воли»². В рамках аналитики «Социализма или варварства» как профсоюзы, так и коммунистические партии, традиционно рассматривавшиеся в качестве инструментов эмансипации рабочих, на самом деле становились барьерами на пути к достижению этой цели. Эти так называемые представительские органы всегда наполняются группами людей (интеллектуалов, политиков, лидеров), которые так или иначе помещают себя вне или над пролетариатом и тем самым формируют «протобюрократический» слой, ощущающий себя ответственным за организацию общества как целого; однажды оказавшись при власти, они утверждают себя в качестве бюрократии. Таким образом, Лефор и Касториadis обосновывали тезис о том, что рабочие вместо того, чтобы пережить отчуждение от органов, претендующих на представительство их интересов, должны стать «реально» автономными и управлять собой сами.

Вне этого очевидного единства в целях, однако, обнаруживается стойкое и довольно важное различие во взглядах между двумя основателями «Социализма или варварства». Конечно, и Лефор, и Касториadis имели общее понимание того, как должно выглядеть постреволюционное общество рабочих. Они оба верили в систему

¹ В оригинале дано два термина, передаваемых на русском как «самоуправление» – «self-management» или «self-government»; в первом случае имеется в виду рабочее самоуправление, во втором подразумевается более широкое политическое значение. – *Прим. пер.*

² *Lefort C. Organisation et parti. Contribution à une discussion [1958] // Eiusd. Éléments d'une critique de la bureaucratie. P., 1979. P. 101.*

рабочих советов с широкомасштабным участием¹; таким образом, это общество могло бы управляться снизу вверх (а не сверху вниз) и в самом деле было бы «автономным», самоуправляющимся. Спорным, однако, оставался вопрос о том, как этого достичь. Как организовать борьбу рабочих? Как ниспровергнуть современный общественный порядок? И самое главное, какой конкретно должна быть в этом процессе роль групп наподобие «Социализма или варварства»? В этих вопросах Лефор серьёзно расходился с Касториадисом.

Для последнего пролетариат не способен ниспровергнуть капитализм иначе, как под руководством небольшой квалифицированной группы. Ясно, что конечная революционная цель состоит в том, чтобы привести пролетариат к самоуправлению. Для достижения этой цели, тем не менее, небольшой группе предстоит осуществить определённые задачи. Известно, что, по мнению Касториадиса, объединение «Социализм или варварство» подходило для этого как нельзя лучше. Лефор, наоборот, был настроен против профессионализации революции, сурово осуждая точку зрения Касториадиса, близкую традиционной ленинской концепции авангарда. Лефор вообще не доверял никакой организации, намеревающейся руководить пролетариатом сверху: именно это недоверие в конечном счёте заставило его порвать с «Социализмом или варварством». В отметившем этот разрыв тексте «Организация и партия» Лефор недвусмысленно возражает против потребности в избранной группе профессиональных революционеров. Патерналистская концепция революционной политики у Касториадиса, указывает он, по-прежнему заражена своего рода «буржуазным» содержанием. Хотя Лефор признаёт, что организация забастовок и прочая деятельность в интересах рабочих едва ли осуществимы без централизованного управления; это в обязательном порядке требует группировки, управляющей рабочими «извне». Управленческие решения должны обсуждаться самими трудящимися, которые в то же время остаются частью рабочего класса. Только так можно предотвратить развитие протобюрократического слоя, который неизбежно затрудняет восхождение про-

¹ Имеется в виду система рабочих советов (*a council-like system*), получившая теоретическое обоснование в творчестве Антона Паннекука (1873–1960), нидерландского левого социал-демократа. – *Прим. пер.*

летариата к власти и самоуправлению. Другими словами, Лефор безусловно отвергает всякого рода разделение между рабочими и теми, кто их представляет.

Начиная с 1960-х гг., тем не менее, имело место постепенное, но принципиальное изменение установки Лефора. Прежде он отстаивал самостоятельное управление собственными действиями у рабочих (во избежание возможного разрыва между управляющими и управляемыми), теперь возрастает тревога по поводу того, что подобный разрыв может оказаться неизбежным и даже самовоспроизводящимся. Следовательно, вместо того, чтобы взывать к самоуправлению рабочих, нам необходимо по возможности исследовать его границы. Даже если систематически этот тезис будет развит Лефором только с 1970-х гг., его фундамент был заложен уже в 1960-х.

Это можно увидеть, к примеру, в докладе на конференции 1963 г., названном «Реальная демократия и демократическое представительство». В нём Лефор обсуждает роль профессиональных союзов и фабричных рабочих в борьбе за более гуманную организацию производственного процесса. Здесь мы имеем дело не с воинственным Лефором, ратующим за максимальное участие рабочих, а с критическим, обдумывающим проблемы, способные побудить рабочих активнее участвовать в защите собственных прав. По наблюдению Лефора, рабочие, представляющие других, незатейливо руководя их борьбой, немедленно начинают отличаться от своих коллег. Чем больше успехов эти представители добиваются в улучшении условий и сокращении рабочего дня, тем больше они вовлекаются в организацию предприятия. И чем активнее борются представители против менеджмента предприятия, тем «более подчёркнутой становится дистанция, существующая между аппаратом [уполномоченных] и массой рабочих»¹. Иными словами, эволюция, которую претерпели активные члены союза, с демократической точки зрения «глубоко двусмысленна»². Они играют положительную роль в продвижении рабочих интересов. Но уже самим фактом выражения коллективного блага они, будучи воспринимаемы другими рабочими как их

¹ *Lefort C. Démocratie réelle et représentation démocratique // Cahiers du Centre d'études socialistes. 1963. February. P. 26.*

² *Ibid. P. 25.*

представители, помещают себя над ними. Даже когда они честно действуют в интересах рабочих, проблема демократии не получает своего решения. Напротив, на наших глазах возникает новый слой бюрократии.

Лефор отказывается искать альтернативные системы участия рабочих; он настаивает на том, что это новое разделение не может быть снято никакой реформой. Ни реструктуризация профсоюзов, ни совершенствование рабочих советов, ни общая демократическая реорганизация – ничто не сможет избежать разделения, которое всегда обнаруживается между теми, кто осуществляет руководство, и теми, кто этого не делает¹. Это разделение, нужно подчеркнуть, не есть результат некоего осознанного намерения со стороны представителей сформировать новый класс или гарантировать своё положение во власти. Проблема не в том, что меньшинство угнетает сообщество и умышленно искажает интересы рабочих для продвижения своих собственных. Уже само предложение такого оригинального устройства сообщества, вооружённого верными средствами пролетарской борьбы и рискующего лишиться своей «аутентичности», вводит в серьёзное заблуждение:

Дело совсем не в том, что я хочу противопоставить [проф]союзам сообщество рабочих, которые самопроизвольно овладели бы реальными средствами борьбы и истиной: это сообщество не существует на самом деле².

Мысль Лефора состоит в том, что до возникновения идеи представительства самого сообщества рабочих не существует; ни одна группа людей, сознающая собственный потенциал и имеющая чёткие потребности, не формулирует запросы или повестку дня, которые надо отстаивать. Единство рабочих рождается только тогда, когда кто-то говорит от их имени; тогда появляется такая категория, как «рабочие», которых нужно представлять. Однако как только кто-то начинает говорить от имени группы, немедленно возникает разделение между представителями и теми, кого они представляют. И самим представителям не по силам преодолеть это разделение, при этом неважно, насколько они воспринимаются как подлинные выразители мнения рабочих. Ото-

¹ *Lefort C. Démocratie réelle et représentation démocratique... P. 27.*

² *Ibid. P. 26.*

ждествление уполномоченных и рабочих, пишет Лефор, всегда приводит к искажению, потому что:

...если профсоюз представляет в определённом отношении рабочих, это происходит только отчасти, непрямо, всё время на расстоянии. Но именно в момент борьбы против менеджмента компании он в большой степени взаимодействует с этим менеджментом, представляя рабочих¹.

Члены профсоюза, кажется, не могут устранить дистанцию, которая открывается между ними и рабочими, ввиду того, что саму их позицию задаёт как раз эта дистанция. Выражая словами интересы рабочих, они неизбежно *репрезентируют* их – группу, которая как таковая не существует в действительности. Иными словами, говоря о рабочих, они уже перенимают перспективу, характерную для менеджмента предприятия. То есть они могут только «репрезентировать» рабочих и бороться против менеджмента, усваивая – точно так же, как сам этот менеджмент, – взгляд сверху – взгляд, который неизбежно объективирует рабочих. Это разделение не может быть упразднено – оно рождается именно тогда, когда кто-то начинает говорить от имени рабочих как целого. Внутреннее разделение в группе происходит как раз в момент осуществления единства. Так как любая возможная реструктуризация или любой возможный способ организации участия только воспроизводит это разделение, наивный призыв к самоуправлению рабочих не имеет смысла. Нам необходимо знать об этом разделении и его неизбежности. По Лефору, это разделение нуждается в осмыслении не только с политической, но и с теоретической точки зрения: его непреодолимая природа должна спровоцировать философское сомнение в самой природе «управления» («gestion»).

Несмотря на синдикалистские примеры, очевидно, что Лефор в «Реальной демократии и демократическом представительстве» начинает проблематизировать традиционные основы демократической теории, особенно вопросы представительства и делегирования полномочий. И неудивительно тогда, что через несколько лет Лефор высказывает те же самые идеи в контексте дискуссии о демократии. В первом систематическом исследовании Лефором этого понятия («К социологии демократии») заводской рабочий и

¹ *Lefort C. Démocratie réelle et représentation démocratique... P. 26.*

его борьба заменены гражданином и его участием в управлении обществом. Вдобавок Лефор применяет в новом контексте ту же самую схему, что и в «Реальной демократии и демократическом представительстве».

В эссе Лефор рассматривает в качестве «ключевых концептов»¹ («les concepts clés») демократии такие принципы, как «сообщество», «равенство», «автономия» и «конфликт». Одно из последних понятий в перечне – «открытость». В демократии, пишет Лефор, различные секторы общества предполагаются как «открытые» один другому, и в частности домен политики должен быть открытым для всех, кто вне его. Ему надлежит быть прозрачным для публичного контроля. В действительности, однако, политика стремится стать «бизнесом немногих, кто сделал её профессией». «Ритуализация коммуникации» и «размножение посреднических корпусов»² позволяют политикам эффективно избегать общественного контроля³. Лефор отмечает и проблематичность реализации таких ключевых понятий, как равенство, автономия и участие. В принципе, всем следует иметь «равное право на решение»⁴, но это невозможно. Дело не только в практической неосуществимости реального принятия решений всеми, но также в том, что неравенство существует и в уровне, и в степени самого участия. У одних больше ответственности, чем у других, а иные лучше прочих понимают реальность. На практике участие никогда не достигает совершенства⁵. Короче говоря, определённая мера дистанции неизбежна, невзирая на все механизмы выборов и консультаций. И так как полная открытость и участие, гарантирован-

¹ Lefort C. Pour une sociologie de la démocratie [1966] // Euisd. Eléments d'une critique de la bureaucratie... P. 343.

² Посреднический корпус (*un corps intermédiaire*) – понятие, разработанное первоначально во французской консервативной мысли Л. де Бональдом, А. Токвилем и другими; в современном понимании это социальные и политические структуры, которые выступают посредниками между верховной властью и обществом, защищая последнее от произвола со стороны правителей: в демократиях роль этих корпусов выполняют организации гражданского общества, церкви, профсоюзы, масс-медиа и т.д. – *Прим. пер.*

³ Lefort C. Pour une sociologie... P. 347.

⁴ Ibid. P. 345.

⁵ Ibid.

ные демократией, никогда не могут быть реализованы, нам, по Лефору, следует быть сдержанными в осуждении тех внутри власти, кто пытается «поддерживать определённую дистанцию»¹. Даже если мы можем на законных основаниях сформулировать требование открытости, нам не следует забывать, что «кристаллизация способов познания и коммуникации не проистекает только из поисков власти и престижа и из манипуляции»². Таким образом, как и в ранней «Реальной демократии и демократическом представительстве», Лефор в эссе «К социологии демократии» доказывает, что политическая коммуникация неизбежно создаёт определённую дистанцию между теми, кто участвует в ней, и теми, кто этого не делает; и что было бы неверным приписать эту дистанцию просто «вероломным» политикам³.

Кроме того, здесь можно усмотреть появление нового витка этого сюжета. От разрыва между доменом политики и «неполитиками» («des non-politiques») Лефор движется к другому, более фундаментальному «разрыву». В разных местах он подчёркивает, что *идею* открытости, подчинения области политики общественному контролю нужно отличать от того «фиктивного» общества, которое *по идее* прозрачно по отношению к самому себе и «основано на коммуникации всех со всеми»⁴. Та *идея*, что политическая сфера открыта для всех, носит фундаментальный характер для демократии, точно так же, как идеи равенства, участия, автономии и множество других. Эти понятия (он обозначает их словосочетанием «цепочка означающих»⁵) формируют символический скелет того, что мы именуем демократией. Лефор подмечает: эти понятия «кажутся, господствуют при любом упоминании демократии»⁶. Кроме того, нам следует признать их именно в качестве понятий: «концепты» – пусть даже самые значимые – обособлены от действительности. Участие *подразумевается*, на народ *ссылаются*, открытость *обещана* и так далее. Но эти понятия никогда не будут целиком воплощены в действительности. Те, кто предпочитает игнорировать непреодолимость этой обособ-

¹ Lefort C. Pour une sociologie... P. 347.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 348.

⁵ Ibid. P. 329.

⁶ Ibid. P. 343.

ленности¹, рискуют «прийти к лишённой логики утопии», к «фикции»². Иными словами, нам не следует смешивать концепты и действительность; нам нужно принять во внимание, что общее и равное участие в отправлении власти – в первую очередь просто идея. «Ключевые понятия» Лефора суть базовые «намерения», которые учреждают «демократический дискурс»³. Однако при всякой попытке реализации они неминуемо изменяются. Сообщество становится автономным только тогда, когда некоторые люди реально участвуют в чём-то; когда некто задумывает, высказывает и исполняет проекты, объединяющие сообщество. Автономия сообщества может осуществиться только через конкретное политическое действие. И во всяком случае, любая политическая активность привносит с собой новые политические расколы, тем самым предавая то единство, которое было её первоначальной целью.

Видение Лефора, развивавшееся в течение 1960-х гг., можно теперь обобщить так. Вопреки своим ранним социалистическим сочинениям он признаёт, что сфера власти неизбежно отделяет себя от общества. Это отделение, однако, должно быть рассмотрено в сфере символической констелляции демократии. Такие понятия, как равенство, участие и автономия, очерчивают нашу полную вовлечённость в политику; они обещают нам открытую и доступную область политического и даже равные права в участии. В своих поздних работах Лефор разрабатывает этот тезис, подчёркивая, что демократия заключается в отсутствии установленных единожды для всех правил, определяющих, кто пригоден и непригоден для участия в политике. Однако здесь Лефор настаивает на том, что проницаемость между обществом и политикой не должна заставить нас уверовать в возможность её устранения. Ибо любая актуализация принципов демократии всегда воспроизводит это разделение.

¹ «Полная прозрачность» (всё постоянно видимо для всех) и «полное участие» (все граждане равным образом участвуют в управлении обществом) никогда не могут быть реализованы в действительности. Несмотря на то что это прекрасные идеалы, реальность неизбежно приводит к тому, что некоторые люди будут исключены из коллективного процесса принятия решений. – *Прим. авт.*

² *Lefort C. Pour une sociologie...* P. 347–348.

³ *Ibid.* P. 343.

Демократическая установка

Нет ничего удивительного в том, что поочерёдный выбор между далёкой «технической» перспективой и революционными убеждениями почти ежедневно подтверждается нашими собственными чувствами по отношению к политике. В принципе, нам обещана автономия: демократия – это ситуация, когда мы сами устанавливаем правила для нашего общества. В результате мы зачастую со всей присущей нам страстностью вовлекаемся в политику. Однако в тот момент, когда необходимо принимать решения, отражающие наши нормы, всё начинает меняться. Как только необходимые процедуры и институты упорядочиваются, домен политики, кажется, обособляется, предоставляя нам роль обычных наблюдателей. Принципы демократии оказываются простыми «понятиями», а политика – особой областью с собственными правилами. Политики могли бы реализовывать «наши» решения. Хотя то, как они это делают, – технически, путём постепенных изменений и реформирования существующих институтов – редко отвечает и нашему пониманию, и нашей предрасположенности к ангажированности. Конкретная политика – этот единственный путь, которым «наша» автономия может быть реализована, – неизбежно порождает дистанцию между теми, кто вовлечён в неё, и «нами», вследствие чего «мы» не можем более идентифицироваться с текущей политикой. Лефор показывает нам, что такое двустороннее движение далеко не случайно; это неотъемлемая черта того, что мы называем демократией.

Подлинные достоинства открытий Лефора между тем заключаются не только в его точном описании опыта, который близок всем нам. Существует также важный нормативный элемент его анализа. Возвратно-поступательное движение между точками зрения дистанцированности и ангажированности внутренне присуще установке, которую мы *должны* принять как демократические граждане. У нас есть обязанность удерживать одновременно две перспективы.

Эта задача лучше всего выражена в «Работе о творчестве Макиавелли» (1972). Грандиозное исследование Макиавелли у Лефора – результат интеллектуального движения, начатого в момент лефоровского разрыва с «Социализмом или варварством». Несмотря на то что книга была опубликована только в 1972 г., Лефор

работал над ней уже в начале 1960-х. Развитие его идей, таким образом, совпадает по времени с текстами, которые были проанализированы выше. Опираясь на взгляды Макиавелли, Лефор описывает задачу государя более лаконично как задачу обеспечения единства; благодаря тому, что он говорит и предпринимает, народ может осознать свою общую идентичность и историю. Появление государя меняет саму социальную конструкцию. Власть государя – центральный пункт, посредством которого общество приходит к пониманию своего единства – и одновременно создаёт новое разделение¹. Этот раскол неизбежен, так как нельзя объединить общество чистым и быстрым способом. Без конкретных персон и их политических действий задача даже не может быть сформулирована. Даже если мы иногда верим в проект, объединяющий всех непосредственно, коллективное благо всегда нуждается в прозаичной политике здесь и сейчас. Тогда государь, как любой другой политический актор, не может не продолжать в прагматичном и в какой-то мере техничном стиле взаимодействовать со своими подданными *объективным* путём; он видит их как «бытийствующие объекты», как элементы в отношениях власти, эффекты которых могут быть рассчитаны и предсказаны.

Этот момент объективности не должен остаться без внимания, так как он открывает «правду о политическом разделении»². Государь, тем не менее, неожиданно сталкивается с ограничением: его личная позиция оправдана только в той мере, в которой он может, несмотря на разделение, «воплотить воображаемое сообщество, то есть идентичность, без которой общественная целостность развалится»³. Таким образом, государю следует одновременно воплощать социальное единство и поддерживать приемлемую для всех осведомлённость о дистанции, разделяющей его и его подданных. Тем временем подданные обнаруживают самих себя в похожем положении. Они тоже должны быть вовлечены в социальное единство, одновременно сознавая его как некую идею, которая никогда не будет полностью реализована. Лефор настаивает, что хорошее правительство всегда нуждается в «вымышлен-

¹ Lefort C. Le Travail de l'œuvre Machiavel. P., 1972. P. 433.

² Ibid. P. 434.

³ Ibid.

ной исторической задаче»¹. Эту фикцию должно сопровождать – как со стороны государя, так и со стороны подданных – чёткое представление о том, что она лишь «воображаемая» задача. Обе стороны должны верить в неё и посвящать себя её реализации, несмотря на понимание того, что это всего лишь миф.

Такова установка, которую нам следует обсуждать в демократическом обществе, то есть в обществе, структурированном такими понятиями, как автономия, открытость, участие и равенство. Эти понятия очерчивают нашу вовлечённость в политические события. Демократические принципы *гарантируют*, если можно так выразиться, что политика заключается в принятии решений, отражающих «наши» нормы. В итоге мы часто можем идентифицироваться воображаемым путём с событиями, происходящими на политической сцене. Однако это случается крайне редко. Как правило, мы сталкиваемся с чужеродностью сферы повседневной политики, где нарастающие изменения и медленные институциональные преобразования, кажется, не реализуют нашу политическую автономию, а препятствуют ей. Обещания такого рода по своей природе почти всегда разочаровывают, и этот опыт разочарования раскрывается как неотъемлемая черта демократии. Другими словами, нам следует научиться принимать одновременно две перспективы. Мы должны быть активными гражданами, верящими в важность задач, стоящих перед нами, и сами без колебаний участвовать в их реализации. Однако в то же время нам следует учитывать, что существующее разделение общества и превратности конкретной политики помещают полную и немедленную реализацию любой великой идеи за грань возможного.

¹ Lefort C. Le Travail de l'œuvre Machiavel... P. 448.

Научное издание

РЕТРОСПЕКТИВА
Всемирная история глазами молодых исследователей

Сборник научных статей

Выпуск 4

Ответственный редактор
Илья Олегович Дементьев

Технический редактор М.А. Манкевич

Редактор Л.Г. Ванцева. Корректор Е.В. Владимирова

Подписано в печать 15.06.2008. Формат 60 x 90 1/16.
Гарнитура «Таhоmа». Бумага для множительных аппаратов.
Ризограф. Усл. печ. л. 7,1. Уч.-изд. л. 5,8.
Тираж 400 экз. Заказ

Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта,
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14